ISBN 978-5-9708-1280-8
9 785970 812808

Алексей Кондратенко

Наш Есенин. Страницы орловской Есенинианы

Алексей Кондратенко

НАШ Есенин

СТРАНИЦЫ ОРЛОВСКОЙ ЕСЕНИНИАНЫ

130-летию со дня рождения С.А. Есенина
и 100-летию со дня смерти посвящается

Сергей Есенин.

Алексей Кондратенко

НАШ *Есенин*

СТРАНИЦЫ ОРЛОВСКОЙ ЕСЕНИНИАНЫ

Орёл – 2025

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3
К 64

Издание осуществлено при поддержке:
Орловской региональной общественной
организации «Союз военных литераторов»

Кондратенко А. И.

К 64 Наш Есенин. Страницы орловской Есенинианы. – Орёл: Издательство «Картуш», 2025. – 144 с.

ISBN 978-5-9708-1280-8

Книга известного историка литературы, члена Союза писателей России и доктора филологических наук Алексея Кондратенко посвящена жизни и творчеству С.А. Есенина, судьбам орловцев из его окружения, увековечению памяти о поэте в Орле.

Издание приурочено к 130-летию со дня рождения С.А. Есенина и 100-летию его трагической гибели.

Книга адресована всем, кто интересуется историей русской литературы и краеведением.

УДК 82-94
ББК 84стд1-442.3

ISBN 978-5-9708-1280-8

© А.И. Кондратенко, 2025
© Союз военных литераторов, 2025
© ООО ПФ «Картуш», 2025

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Имя Сергея Есенина – одно из самых ярких в нашей литературе, в её истории. Десятилетиями не стихают дискуссии вокруг биографии и творчества, полнятся ряды поклонников и почитателей таланта, издаются новые и новые книги о Есенине. Очевидно, что при всей уникальности дарования поэта есть у него неистребимое (корневое, глубинное) родство с другими мастерами слова, в том числе и с писателями-орловцами. Откроем тургеневские «Записки охотника» или лирическую прозу Бунина, стихи Фета и Апухтина. А взять того же композитора-орловца Василия Калинникова, чьи проникновенные музыкальные картины сродни есенинской лирике. А королева крестьянского бала ливенка-гармошка в руках Есенина! И разве живописное изображение жатвы Григория Мясоедова не роднится с есенинской строкой?

В Орёл поэт приезжал в дом родителей своей жены Зинаиды Райх… С Есениным были знакомы (а кто-то и вовсе дружен) орловцы Евгений Сокол, Сергей Городецкий, Иван Вольнов, Николай Браун и другие. В этом ряду можно назвать и Андрея Белого, который в детстве и юности жил в деревне Серебряный Колодец (теперь Новодеревеньковский район Орловской области), этот красивый адрес стоит под десятками стихотворений Белого.

Тысячи незримых нитей связывают Орловщину и орловцев с Есениным. Я вспоминаю морозный мартовский вечер

в городке Малоархангельске в 1988 году. Будучи здесь в командировке по заданию «Орловской правды», остановился в местной гостинице. Чтобы скрасить пустоту вечера, сотрудница райкома партии пригласила меня в гости к местной «достопримечательности» – скульптору Ивану Алексеевичу Семеновскому. Весь вечер в его мастерской я слушал, не перебивая, рассказ о жизни, о творчестве провинциального маэстро. Рассказал мне этот одарённый человек и о том, как на исходе войны, будучи на фронте, попал под следствие за то, что в солдатском его вещмешке бдительный особист нашёл… томик стихов Есенина. Трибунал приговорил солдата к десяти годам лагерей.

Да, было и такое в нашей общей истории. И об этом не резон забывать даже в дни праздников и литературных торжеств. Но сердце согревает то, что в Константинове теперь три скульптурных портрета Есенина, созданных руками Ивана Семеновского.

А какое могучее влияние оказали книги Есенина на плеяду орловских поэтов второй половины XX века! Как много на есенинскую тему написали орловские краеведы Василий Катанов, Антонина Гольцова, Владимир Власов! Орловский филолог с саратовскими корнями, доцент ОГУ имени И. С. Тургенева Сергей Бубнов защитил диссертацию о том, как критика при жизни оценивала творчества Есенина, опубликовал монографию по этой теме и множество научных статей.

Как будущий автор этой книги я обратился к есенинской теме в 2015 году. Тогда принял впервые участие в международной конференции, организованной Институтом мировой литературы имени А. М. Горького РАН. Потом неоднократно выступал на ежегодных есенинских конференциях (симпозиумах) в ИМЛИ, доводилось вести иные заседания…

Вот так, из ежегодного (даже в пору буйства ковида) участия в конференциях, знакомства с множеством публикаций есениноведов, общения с именитыми коллегами рождались новые и новые замыслы, которые со временем становились научными докладами и публикациями (помимо чисто есенинской темы, удалось затронуть совершенно неизвестную – о том, как в Орле в 1919 году родилось творческое направление поэтов-экстрактивистов).

Помогали в работе над темами прежде всего поиски в фондах Орловского музея И. С. Тургенева. Что-то нашлось в Российской национальной библиотеке, в Государственном архиве Орловской области, в архивах Воронежа и Курска. На запросы приходили ответы из Российской государственной библиотеки, из архивов Управлений ФСБ России по Орловской и Курской областям.

Конечно, я понимаю, что исчерпать есенинскую тему не удастся никому и никогда. Но почему бы не поделиться с читателями уже открытым и сделанным? Так родилась задумка собрать заметки разных лет воедино и издать их под одной обложкой, приурочив выход книги к 130-летию со дня рождения Сергея Есенина и к 100-летию его ухода из жизни.

Может быть, кого-то удивят слова, вынесенные автором в заглавие, – Наш Есенин. Да, конечно же, Есенин прежде всего рязанский, потом московский, питерский. Можно, конечно, вспомнить ещё и Восток, и Америку… Но, убеждён, что родившийся на Оке Есенин – наш, орловский. И лишнее тому доказательство – эта книга.

В Орле установлен памятник поэту, есть улица его имени. Не так давно молодые художники со всей страны создали на стенах зданий в Орле огромные портреты писателей-земляков, иллюстрации к их произведениям. И на доме по улице Тургенева, 4 появился замечательный портрет молодого Есенина.

А совсем рядом, через переулок, – портрет Леонида Андреева, который родился и вырос в Орле. Хорошее соседство, с которым вряд ли кто захочет поспорить. Есенин – НАШ!

Портрет молодого Сергея Есенина, г. Орёл, ул. Тургенева, 4

ЕВГЕНИЙ СОКОЛ

Евгений Сокол

Орловский поэт Евгений Сокол (1893–1939) ещё в первые революционные годы познакомился в Орле с Зинаидой Райх, женой Сергея Есенина. По всей вероятности, именно она познакомила его с Сергеем Есениным. Они стали друзьями, знали и ценили творчество друг друга. О дружбе Есенина с Соколом свидетельствуют дарственные надписи поэта на книге «Сельский часослов» (1918): «Евгению Соколу Любящий С. Есенин. 1919»[1]; на сборнике «Явь» (1919): «Евгению Соколу / Дружески Сергей Есенин. 28 сент. 1920»[2]; на книгах «Преображение» (1921): «Соколу Евгению с любовью С. Есенин. 1921»[3] и «Пугачёв» (1922): «Терпи Сокол, Свобода – о кол! С. Есенин. 1922»[4].

Сокол неоднократно встречался с Есениным, возвратившимся из зарубежной поездки с Айседорой Дункан в Европу и Америку. В одну из встреч на листе блокнота Есенин для Сокола записал несколько строк из стихотворения «Мне осталась одна забава…» с дарственной надписью «Е. Соколу с любовью и верой. С. Есенин»[5]. В 1924 году Есенин написал: «За

всё, что минуло, – / Целую в губы / Сокола милого»[6]. На книге «Ключи Марии» поэт написал: «Сокол, милый, люблю Русь, прости, но в этом я шовинист. С.Е.»[7]. На книге «Радуница» даёт совет: «Тех, кто ругает, всыпь им. Милый Сокол, давай навеки за Русь выпьем»[8]. При встрече 4 февраля 1924 года на книге «Голубень» Есенин написал: «Милому Соколу, ростом не высокому, но с большой душой русской и всё прочее»[9], а на отдельном листке весной того же года оставил автограф: «Милому Соколу с любовью русской, Великоросской обязательно. С. Есенин»[10].

Поэты встречались в клубе Дома Герцена на Тверском бульваре, где Сокол работал секретарём Литературной студии при Всероссийском Союзе поэтов. В ноябре 1925 года Сокол и Есенин были заявлены для участия в литературном вечере «Поэзия наших дней», проводимом Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее. Перед последней поездкой в Ленинград Сокол писал 23 декабря 1925 года: «Дорогой Сергей! Очень прошу тебя выступить на вечере, устраиваемом нашими курсами (литературные курсы Всероссийского союза поэтов)». В сборнике «Памяти Есенина» (М., 1926) Сокол опубликовал мемуары «Одна ночь»[11].

Так сложилось, что ныне известна довольно краткая биография Сокола. Расширить её позволило сообщение Я. В. Леонтьева и Д. И. Рублёва «Евгений Сокол – друг Сергея Есенина: биографические материалы» на международном научном симпозиуме «Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха» (сентябрь 2015 г.). Однако и в этом сообщении, основанном на документах РГАЛИ, содержался ряд неточностей: например о том, что поэт начал писать стихи с 17-летнего возраста, о том, что в 1917 году он проходил военную службу в Пензе. На самом деле, стихи Сокол начал писать значительно раньше, а в Пензе служил в конце 1915 – начале 1916 гг.

Обращение автора данной публикации к обширному личному архивному фонду Сокола, хранящемуся в Музее И. С. Тургенева в Орле, позволило не только уточнить ряд моментов в биографии поэта, но и обнаружить новые, ранее неизвестные факты.

Евгений Григорьевич Соколов родился в городе Болхове Орловской губернии. В советское время его социальное происхождение указывалось в обобщённом виде: «родился в семье мелкого служащего»[12], «отец – секретарь уездного съезда мировых судей»[13]. Конечно же, неискушённый читатель мог понять из этой формулировки только то, что Соколов-старший изредка (насколько часто собирались в уезде съезды?) выполнял некую общественную роль, сопоставимую с миссией Афанасия Фета – мирового судьи соседнего, Мценского уезда.

Однако обращение к официальной информации показывает, что Соколов-старший занимал куда более заметное место в провинциальной иерархии. В год рождения сына Евгения Григорий Иванович Соколов служил секретарём уездного судебного присутствия, имел чин коллежского секретаря[14], был гласным Болховской городской думы[15]. В семье Соколовых было семеро детей, и всем отец обеспечил возможность получить хорошее образование. Так, например, Евгений учился во 2-й Орловской гимназии. В 17 лет поступил на сельскохозяйственные курсы в Петербурге, но вскоре охладел к будущей профессии. С началом мировой войны Евгений Соколов добровольно уходит в армию.

Вольноопределяющимся с осени 1915 года он служил в запасном пехотном полку в Пензе. Весной 1916 года отправился на фронт, но вскоре был ранен и получил тяжёлую контузию. Летом приехал в отпуск для лечения в Болхов, несколько недель провёл у родственников в селе Войново, где написал много лирических стихов. А с осени 1916 года служил в запасном полку в Орле.

Военные годы стали временем становления Евгения Соколова как поэта. Под «прозрачным» псевдонимом Сокол печатается не только в «Орловском вестнике», но и в газетах «Рязанская жизнь», «Чернозём» (Пенза), журналах «Полночь», «Жизнь», «Огниво», «Оса», «Ежемесячный журнал».

Февральская революция позволила ему вырваться из солдатских рядов. Революционные стихи Сокола публикуются в орловских «Известиях Совета рабочих депутатов», в уездных газетах. Как сам он указывал в одной из анкет начала 1920-х годов, «после Октябрьского переворота печатался в «Орловских известиях», «Известиях ВЦИК», в журналах «Творчество» (Москва), «Пламя» (Петроград) и во всех орловских изданиях»[16].

Поэтический дар и журналистская хватка Евгения Сокола были замечены орловским «красным губернатором» Борисом Волиным. В 1919 году один за другим выходят в свет сборники стихов Сокола «Поэма о революции», «Русь», «Красные набаты». Волин не только охотно предоставляет поэту-журналисту возможность печататься, но и активно продвигает его в руководящие органы. 24 мая 1919 года состоялось совещание местных газетчиков, на котором было решено создать в Орле Союз Советских журналистов и редакционную коллегию, состоящую исключительно из журналистов-коммунистов (в её состав вошёл и Сокол). Уже в июне половина членов союза получила редакторские посты, однако Сокола среди редакторов не было…

Возможно, на эту деталь не стоило обращать внимания, но она стала некоей переломной вехой в журналистской карьере Сокола. Тогда, в середине 1919 года, его всё-таки назначили на должность заместителя заведующего губернским агентством «Центропечати»[17]. Однако после кратковременной оккупации Орла белогвардейскими частями и последовавшего

освобождения города Сокол уже не был вхож на капитанский мостик большевистской прессы в Орле. Что послужило причиной? Открылась правда о социальном происхождении трибуна революции? Он сам решил оставить журналистику ради поэзии? Или причиной всему был отъезд Бориса Волина из Орла? Возможно, где-то в недрах губкомовского делопроизводства той поры есть точное объяснение данному странному повороту событий. Но факт остаётся фактом: отныне Сокол не входил в состав редколлегий, правлений Союза журналистов и т. д.

Это тем более странно, что в губернии явно не хватало профессиональных газетчиков. Например, губком РКП(б) осенью 1921 года отозвал из окружной военной газеты её секретаря Т. М. Левина и направил его в партийное издание. Тогда же в Орловской губернии была проведена регистрация всех работников печати[18]. Более того, в циркуляре ЦК РКП(б) о периодической печати от 20 февраля 1922 года подчеркивалось: «Считаясь с тем, что кадры журналистов-коммунистов крайне ограниченны и что без партийных газетных специалистов партийно-советская печать удовлетворительно поставлена быть не может, Центральный Комитет указывает на необходимость перевода на газетную работу возможно большего количества всех взятых на учет журналистов. Мобилизацию журналистов, хотя бы временную, на негазетную работу ЦК считает крайне нецелесообразной, ибо газета требует систематической, беспрерывной, планомерной работы»[19]. В докладе XI Орловскому губернскому съезду Советов о деятельности губернского экономического совещания (1922 год) отмечалось: «Общее положение губернского органа печати до самого последнего времени было крайне неудовлетворительно. Прежде всего, в отношении материальном, а затем в отношении обеспечения работниками… Попытки привлечения

квалифицированных газетных работников из центра (Москва, Харьков) не имели успеха»[20].

Итак, газетчиков в Орёл отзывали с военной службы, приглашали из других городов, но Сокол оставался вне печати. Косвенным подтверждением «невостребованности» новым социумом Сокола служат литературно-критические этюды орловского общественного деятеля и критика С. И. Горового, опубликованные в сборнике «Зелёный шум» (Орёл, 1922). В статье «Современные орловские пролетарские писатели», являющейся изложением лекции, прочитанной в гарнизонном Доме культуры 11 июня 1920 года, отмечалось: «Тт. Селихов, Лукашин, Захаркин, Шевляков – вот кто входит в эту группу. Все они – подлинные пролетарии и по своему происхождению, и по складу своих понятий»[21]. Как видим, недавнему певцу революции Соколу места в плеяде пролетарских литераторов не нашлось. Зато о нём Горовой рассказывает в статье «Орловские поэты», где речь идёт только о двух земляках – Иосифе Каллиникове и Евгении Соколе. Статья представляет собой изложение лекции, прочитанной в гимназии Гиттерман 20 января 1918 года, соответственно, рассматриваются лишь стихи Сокола из книги «Триолеты и Мадригалы» (Орёл, 1917). Горовой пишет: «Сокол допускает несуществующие на русском языке слова и формы – «незабывчивый», «предбудь», а порою употребляет формы, напоминающие собою речь иностранца – вероятно, в погоне за размером и рифмой. Грубовато выражение «убивая обидным хлыстом нашу тихую нежность». В общем же стихотворения Сокола, несомненно, талантливы, богаты фантазией и уносят с собой в царство мечты и грёзы. Любовь – господствующая тема его стихов. Поэт чувствует её тонко, изысканно, несколько, пожалуй, жеманно – во вкусе средневековых трубадуров и напудренных маркиз XVIII века»[22].

Характерно, что эти слова были не только произнесены в январе 1918 года, но и повторены в 1922 году в официальном губернском литературном альманахе: никаких иных оценок творчеству Сокола здесь дано не было. В одном из писем его брата Г. Г. Соколова[23] возникшая невостребованность недавнего глашатая революции в большевистской печати объясняется, по сути, тем, что Евгений Сокол был занят на других ключевых постах провинциальной иерархии: «С 1920 года возглавлял губернское правление профсоюза работников искусств, в 1922–1923 гг. – заведующий губернским архивом». Однако обращение к архивным источникам показывает, что занимаемые Соколом в то время должности вряд ли могли служить причиной его неучастия в партийной журналистике. Так, в удостоверении губернского отдела Всероссийского профсоюза работников искусств, датированном 7 февраля 1920 года, перечислены должности Сокола: член правления; товарищ председателя; заведующий культурно-просветительским отделом Орловского губотдела[24]. А уже 10 июля 1920 года президиум данного профсоюза «командировал» Сокола в губернский отдел народного образования для заведования театральной секцией внешкольного подотдела[25].

Заведывание секцией в некоем подотделе… Работа была явно не по размаху идей и энергии поэта-журналиста. Получив в придачу символические посты учёного секретаря коллегии губернского отдела народного образования и секретаря «Известий губздравотдела» (вышел в свет всего один выпуск журнала), он, по примеру коллег-журналистов, пытается провести перепись в губернии всех «литературных работников», самостоятельно разрабатывает для этого пространную анкету и заполняет первый экземпляр. Очевидно, что инициируемая Соколом под эгидой Литсекции художественного подотдела

Губполитпросвета перепись была прелюдией к подготовке губернского съезда писателей.

Заполненная им анкета сохранилась в музее[26]. Не акцентируя внимания на формальных графах, обратим внимание лишь на некоторые. Строка «Где печатается теперь». Ответ: «нигде». Пояснение: «за отсутствием изданий число литературного характера».

Строка «Наиболее близок (на выбор: акмеизм, пролеткульт, имажинизм, импрессионизм)». Сокол вписывает: «символизм». Указывает, что состоит в московских кружках «Звено», «Литературный особняк», член Всероссийского союза поэтов (примечательно, что в архиве сохранился ряд документов, свидетельствующих о поездках Сокола в Москву в первые послереволюционные годы с целью «выбить средства», «получить одежду», «доставить архивные документы» и т. д. Вероятно, во время таких поездок и происходили встречи с Есениным). Строка «Взгляд на современную литературу». Ответ: «современный литературный упадок ликвидируется нескоро, когда начнётся строительство».

В то время Сокол был «членом-посетителем» Тургеневского литературного общества[27], а в членской книжке Всероссийского профсоюза работников искусств в графе «специальность» написал: «поэзия, истор. лит.»[28]. Он выступает с инициативой создать в Орле музей революции (вариант: музей печати революции). Так, в личной карточке участника одного из губернских съездов 2 марта 1921 года в графе «должность» Сокол написал: «организация музея революционной печати»[29]. В записке заведующему губернским музеем П. С. Ткачевскому ставит вопрос максимально остро: «Всё, что издано было в Орле до прихода белых, погибло бесследно, и не только листовок, плакатов, воззваний, нигде нет даже комплекта газет, без которых составление революционной исто-

рии Орла почти невозможно. Об уездных городах и говорить не приходится. Всё это указывает на недостаточно хорошую организацию музейного дела в Орле, и учреждение специального музея революции в губернском масштабе заставляет выдвинуть в первую очередь»[30].

1 октября 1921 года Губполитпросвет назначает его заведовать организуемым музеем имени Октябрьской революции[31]. В январе следующего года Сокол входит в состав комиссии по ревизии губернских музея и архива[32]. По всей видимости, комиссия посчитала прежнюю работу музейщиков и архивистов недостаточно успешной: сохранилась выписка из протокола Губернского отдела народного образования от 1 февраля 1922 года с поручением Соколу организовать в Орле музей Октябрьской революции[33].

Однако попытки поэта развить кипучую деятельность на музейной ниве неожиданно прервались. Уже в следующем, 1923 году, не осуществив ни одного из своих замыслов (музей, съезд литераторов и т.д.), он навсегда покидает родной Орёл и уезжает в Москву.

В официальных биографиях[34] Сокола московский период обычно описывается схематично: «приехал в столицу в 1923 году, был секретарём Всероссийского союза поэтов, работал в журнале «Безбожник», там же в 1928 году вышла книга рассказов «По стопам отцов», занимался переводами».

На самом деле эти полтора десятка лет куда более насыщены событиями, обстоятельствами, реалиями. Так, документы из фонда Сокола позволяют не только детально «прорисовать» вехи биографии, но и установить ряд московских адресов поэта, бытовые подробности и т.д.

Начнём с адресов. На одном из пригласительных билетов Сокола (январь 1926 года) имеется адрес: ул. Кропоткина, Дурнов пер., д. 10/15[35]. Более конкретную информацию даёт сохра-

нившийся конверт со штемпелем «27 марта 1926 г.»: Дурнов пер., 10/15, кв. 1, комн. 25 (ОФ № 11388). Выходит, что приехавший из Орла 33-летний поэт жил в Москве в коммунальной квартире на 25(!) хозяев. А Есенин со второй половины 1925 года жил совсем рядом, в Померанцевом переулке в квартире С. А. Толстой. Он часто встречался с Соколом, однажды увидел у него на квартире в Дурнове переулке «Словарь рифм». Есенин не только читал его, но и вносил в словарь свои слова, потом записал шуточное четверостишие: «Я и сам когда-то Сокол / Лоб над рифмами раскокал. / Нет алмазов среди стёкол. / Не ищи вокруг да около»[36]. В конце книги кто-то из знакомых Сокола оставил запись: «Учитесь, братья, у Маяковского», на что Есенин с озорством приписал: «Ну уж х…!»[37].

Судя по документам 1932–1934 гг., Сокол жил на Новинском бульваре, д. 21, кв. 18[38]. В этой квартире у него часто собирались литераторы. По традиции все гости Сокола заполняли альбом автографов. Здесь писали свои стихи, эпиграммы, экспромты, дружеские пожелания в адрес хозяина дома. В фондах музея И. С. Тургенева хранятся три таких альбома, где есть подписи А. Белого, Д. Благого, композитора И. Стравинского, многих других выдающихся людей.

Куда разнообразнее официально известного реальный перечень мест работы Сокола в Москве. Сохранилось, например, удостоверение от 29 сентября 1925 года – секретарь литературно-педагогического совета и лектор Литкурсов Всероссийского Союза поэтов[39], аналогичное удостоверение от 11 января 1926 года[40]. Согласно удостоверению № 228 от 9 февраля 1926 года – ответственный секретарь Всероссийского Союза поэтов[41].

Примерно тогда же он занялся составлением сборника материалов о Сергее Есенине, чему есть документальное свидетельство. Приводим текст удостоверения:

«Союз поэтов
Правление
6 января 1926 года
№ 10
Удостоверение

Предъявитель сего член ВСП Е. Г. Сокол уполномочен Правлением названного Союза на собирание материалов для сборника памяти Сергея Есенина, издаваемого Союзом под редакцией Олега Леонидова, Евгения Сокола и профессора Б. М. Зубакина.

Председатель ВСП Олег Леонидов (за него)
Управляющий делами Кашкина
(печать)»[42].

Нигде прежде не упоминалось, что Евгений работал в газете «Гудок» в то самое время, когда там трудились Михаил Булгаков, Юрий Олеша, Илья Ильф и Евгений Петров. Музейный документ информативен и красноречив. Откроем удостоверение газеты «Гудок» от 10 августа 1926 года: «Дано Е. Г. Соколу в том, что ему поручено редакцией «Гудка» обслуживать судебные процессы. Действительно по 1 сентября 1926 г.»[43]. Судя по очень короткой дистанции между двумя указанными датами, это был некий испытательный срок для гудковского новичка Сокола. Однако он вполне справился с новой должностью. Сохранилось «последующее» удостоверение газеты «Гудок»: «тов. Сокол является сотрудником по отделу искусств (зачёркнуто, стало «обслуживает по отделу суда». – А. К.). Редакция просит администрации зрелищных предприятий (последние три слова зачёркнуты. – А. К.) оказывать тов. Соколу возможное содействие в получении материалов. Удостоверение действительно до 1 сентября 1927 года (зачёркнуто – до 31 декабря. – А.К.)»[44]. Существует и третье удостоверение, где указано, что Сокол – сотрудник газеты «Гудок» по судебному

отделу и по отделу происшествий. Данное удостоверение было выдано 23 марта 1928 года и продлено до 1 октября 1928 года[45].

После двух с лишним лет работы в газете «Гудок» Сокол переходит в редакцию, освещавшую деятельность Союза Безбожников СССР. Сохранились удостоверения: литсотрудник газеты и журнала «Безбожник»[46] (24 октября 1928 года), секретарь редакции бюллетеня Пресс-бюро Центрального совета Союза безбожников СССР[47] (18 апреля 1929 года), сотрудник редакции журнала «Безбожник» по судебному отделу[48] (20 мая 1929 года).

В одном из писем в музей И. С. Тургенева брат вспоминал о том, что в последние годы жизни Сокол занимался «переводами с белорусского, немецкого (И. Бехера), переводами кавказских поэтов – Р. Нурова (три стихотворения в сборнике 1936 года), много писал для изданий МОПР»[49]. На самом деле, Сокол в то время занимался не только переводами и статьями для мопровских изданий. Например, с 24 июля 1931 по 22 апреля 1932 года работал в объединённом научно-техническом издательстве[50], затем был заведующим организационно-массовой секцией в издательстве наглядных пособий[51], сотрудником журнала «Коммунальное хозяйство»[52]. В 1933 году издал серию брошюр по вопросам коммунального хозяйства (шесть книжечек объёмом от 26 до 40 страниц)[53]. С апреля 1934 года – корреспондент профсоюзного журнала «Рабочий городского хозяйства»[54].

Столь же неровно, пунктирно выстраивалась в то время его писательская биография. Как уже упоминалось, Сокол был членом Всероссийского союза поэтов, а также действительным членом коллектива поэтов и критиков «Литературный особняк» (удостоверение от 15 января 1924 года)[55], активистом клуба Федерации объединений советских писателей[56]. Сохранился авторский экземпляр соглашения с Узбекским государ-

ственным издательством на составление в 1932 году (видимо, к 15-летию Октябрьской революции и 10-летию образования СССР) антологии революционной поэзии: перевести прозой 3000 строк с оплатой 20 копеек за строку, а также провести составительскую работу и подготовить комментарий. Общая сумма договора составила 1040 рублей. Все условия соглашения Сокол выполнил[57]. А вот справка Московского горкома писателей: в июне, августе, сентябре, ноябре и декабре 1933 года Сокол заработка не имел, в октябре заработал 200 рублей. Справка была дана судебному исполнителю Краснопресненского района, аналогичная – в домоуправление[58]. По всей видимости, таким образом поэт отбивался от всевозможных долгов.

Сохранилось датированное 1932 годом письмо с требованием издательства МОПРа вернуть аванс[59]. В это время Сокол лечился в ночном туберкулёзном санатории[60], дежурил литературным консультантом в редакции «Комсомольской правды» – один раз в месяц с трёх часов до семи вечера[61] (1932 год). Весьма красноречив пропуск в столовую Союза советских писателей[62] (январь 1934 года). Пропуск обрамлён купонами на каждый день – по сути дела, это была часть карточного довольствия, спасшего недомогавшего писателя от голодной смерти.

Волна репрессий не сразу, но всё же накрыла и Евгения Сокола. Племянник поэта Ю. Н. Соколов писал орловскому библиофилу А. С. Захарову: «Теперь о последних годах Евгения Сокола. Он себя плохо чувствовал, ведь у него был туберкулёз лёгких, да и нога болела. Последний раз я помню его во время похорон моего дедушки (отца матери) на Преображенском кладбище – он был с палкой. В конце 1938 года он был арестован и в 1939 году умер в тюрьме»[63].

В архивном фонде Музея И. С. Тургенева хранится фотокопия справки военного трибунала Московского военного окру-

га, датированная 9 декабря 1939 года, о том, что дело в отношении Е. Г. Сокола прекращено за недоказанностью обвинения[64].

Жизненный путь и творчество Евгения Сокола, его участие в революционной печати, в литературной жизни 1920-х годов ещё ждут вдумчивого и скрупулёзного исследователя. Вполне возможно, что эти разыскания помогут обнародовать ряд интереснейших и важных страниц истории литературного процесса в целом, дополнить имеющиеся представления об окружении Сергея Есенина.

Примечания

[1] Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент. А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 92.

[2] Там же. С. 109.

[3] Там же. С. 171.

[4] Там же. С. 208.

[5] Там же. С. 221.

[6] Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 4 / Сост., подгот. текстов и коммент. С. П. Кошечкин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1996. с. 256.

[7] Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент. А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 324.

[8] Там же. С. 225.

[9] Там же. С. 228.

[10] Там же. С. 233.

[11] Сокол Евгений. Одна ночь (из воспоминаний о С. Есенине) // Памяти Есенина. М.: Всероссийский союз поэтов, 1926. С. 59–72.

[12] Венедиктов А. Е. Болховские куранты. Тула: Приок. кн. изд-во, 1982. С. 144.

[13] Соколов Г. Г. Биография Е. Г. Сокола (1974 г.) // Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева (далее – ОГЛМТ). ОФ № 11556.

[14] Памятная книжка Орловской губернии на 1893 год. Орёл, 1893. С. 67.

[15] Там же. С. 71.

[16] ОГЛМТ. ОФ № 11504.

[17] ОГЛМТ. ОФ № 11519.

[18] Доклад врид редактора газеты «Орловская правда» Левина Агитпропагу Орловского губкома РКП(б) «О положении местной периодической печати», 25 мая 1923 г. // Государственный архив Орловской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 903. Л. 71.

[19] О периодической печати. Циркуляр ЦК ВКП(б) // В. И. Ленин, КПСС о печати. Сб. документов и материалов. М.: Политиздат, 1974. С. 62.

[20] Доклад XI Орловскому губернскому съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов о деятельности губернского экономического совещания. Орёл, 1922. С. 187.

[21] Горовой С. И. Современные орловские пролетарские писатели // Зелёный шум: сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии. Орёл: Орловское отделение государственного издательства, 1922. С. 124.

[22] Горовой С. И. Орловские поэты // Зелёный шум: сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии. Орёл: Орловское отделение государственного издательства, 1922. С. 122.

[23] ОГЛМТ. ОФ № 11556.

[24] ОГЛМТ. ОФ № 11517.

[25] ОГЛМТ. ОФ № 11528.

[26] ОГЛМТ. ОФ № 11504.

[27] ОГЛМТ. ОФ № 11518.

[28] ОГЛМТ. ОФ № 11403.

[29] ОГЛМТ. ОФ № 11505.

[30] Цит. по: Гольцова А. В. «И быль, и легенды» (Евгений Сокол и Сергей Есенин) // Болховские были: Историко-литературный альманах. Орёл: Вешние воды, 1994. С. 98.

[31] ОГЛМТ. ОФ № 11523.

[32] ОГЛМТ. ОФ № 11515.

[33] ОГЛМТ. ОФ № 11406.

[34] Писатели Орловского края: Биобиблиографический словарь / Под общ. ред. К. Д. Муратовой, Г. М. Шевелёвой. – Орел: Приок. кн. изд-во, 1981. С. 364; Венедиктов А. Е. Указ. соч. С. 147; Катанов В. М. Сокол Евгений Григорьевич // Орёл литературный: ежегодник Орловской областной организации Союза писателей России / Гл. ред. А. И. Кондратенко. Вып. 6–7. Орёл: Вешние воды, 2010. С. 79.

[35] ОГЛМТ. ОФ № 11411.

[36] Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 2 / Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Дроздков, А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, С. С. Куня-

ев, Ю. А. Паркаев, Т. К. Савченко, Е. А. Самоделова, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Л. М. Шалагинова, Н. И. Шубникова-Гусева, Н. Г. Юсов, Ю. Б. Ющкин. М.: Наука; Голос. 2000. С. 15.

[37] Официальный сайт Государственного музея-заповедника С. А. Есенина. http://www.museum-esenin.ru/home/1772 Электронный ресурс. Дата обращения 16.08.2016.

[38] ОГЛМТ. ОФ № 11415.

[39] ОГЛМТ. ОФ № 11503.

[40] ОГЛМТ. ОФ № 11464.

[41] ОГЛМТ. ОФ № 11408.

[42] ОГЛМТ. ОФ № 11535.

[43] ОГЛМТ. ОФ № 11416.

[44] ОГЛМТ. ОФ № 11467.

[45] ОГЛМТ. ОФ № 11506.

[46] ОГЛМТ. ОФ № 11465.

[47] ОГЛМТ. ОФ № 11529.

[48] ОГЛМТ. ОФ № 11502.

[49] ОГЛМТ. ОФ № 11556.

[50] ОГЛМТ. ОФ № 11493.

[51] ОГЛМТ. ОФ № 11495.

[52] ОГЛМТ. ОФ № 11407.

[53] Механизация прачечного дела: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 1 / Сост. Е. Сокол; Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 28 с.; Банное хозяйство и строительство: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 2 / Сост. Е. Сокол; Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 26 с.; Производство и монтаж водопроводных и канализационных труб: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 3 / Сост. Е. Сокол; Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 40 с.; Новые достижения водопроводной техники: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 4 / Сост. Е. Сокол; Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 34 с.; Новые методы мощения улиц: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 5 / Сост. Е. Сокол; Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 39 с.; Новые достижения канализационной техники: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 6 / Сост. Е. Сокол; Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 27 с.

[54] ОГЛМТ. ОФ № 11532.

[55] ОГЛМТ. ОФ № 11507.

[56] ОГЛМТ. ОФ № 11418.

[57] ОГЛМТ. ОФ № 11533.

[58] ОГЛМТ. ОФ № 11500, 11531.

[59] ОГЛМТ. ОФ № 11494.

[60] ОГЛМТ. ОФ № 11499.
[61] ОГЛМТ. ОФ № 11497.
[62] ОГЛМТ. ОФ № 11404.
[63] Цит. по: Катанов В. М. Указ. соч. С. 79.
[64] ОГЛМТ. 22/28 НВ.

ОРЁЛ В БИОГРАФИИ ЗИНАИДЫ РАЙХ

Зинаида Николаевна Райх

Имя Зинаиды Николаевны Райх (1894–1939) навсегда вошло в театральную летопись. Супруга С. А. Есенина, затем В. Э. Мейерхольда, одна из самых ярких женщин бурной революционной и послереволюционной эпохи. О ней осталось довольно много воспоминаний, различных свидетельств, однако не всегда объективных и основательных. А это в значительной степени мешает понять, как формировалась незаурядная личность. Провинциалку Зинаиду Райх всегда увлекали искусство и литература. Истоки её эмоциональной натуры – в традициях и нравах семьи Райх, в гимназической среде, в особой общественно-культурной атмосфере города Орла, где будущая актриса жила и училась, была руководителем сферы искусств губернского масштаба.

Зинаида Райх родилась 21 июня 1894 г. в селе Ближние Мельницы под Одессой, в семье Николая Андреевича Райха и Анны Ивановны Викторовой. Всего у Анны Ивановны и Николая Андреевича было трое детей: Зинаида, сын, о котором

не сохранилось сведений, и дочь Александра (1901–1942), которая с 1920 г. играла на сцене под псевдонимом Хераскова.

Н. А. Райх (1862–1942?) – выходец из Силезии, обрусевший немец. Работал слесарем, машинистом на железной дороге и на флоте. От него, увлечённого социал-демократическими идеями (вступил в РСДРП в конце XIX века), перешли к Зинаиде страсть к книгам, кружкам, поиску своего пути, чтению революционной литературы. Как вспоминала Т. С. Есенина, «Родители Зинаиды Николаевны являли собой полную противоположность друг другу. Мать её, Анна Ивановна, в молодости была стройной блондинкой, ровного и мягкого характера, но из-за раннего сиротства была немного обидчивой и замкнутой. Она была дворянского происхождения, по отцу Викторова, по матери Евреинова. По материнской линии у Зинаиды Николаевны было множество родственников, с которыми жизнь ее, правда, мало сталкивала. Любопытной фигурой был брат Анны Ивановны. Он несколько раз получал крупное наследство и тут же его проматывал, при этом его огромное семейство впадало буквально в нищету. Жена приносила ему в год по ребёнку – всего их было двадцать два, но некоторые умерли младенцами. Понимая, что ему не поднять их своими силами, он стал возлагать надежды на тех «святых ангелов», чьи имена давались детям. Например, троих из его сыновей звали: Никтополион, Аксакусстодпан и Анемподист. Предполагалось, что ангелы, имеющие мало подопечных, могут не распыляться и будут щедрыми в своем покровительстве.

Анна Ивановна наследств не получала, была бесприданницей… Над дворянством своей жены он [Николай Андреевич] посмеивался, говорил, что оттуда ей передался один лишь дух расточительства, сгубивший её брата, – Анна Ивановна любила хорошо одеться и старалась, чтобы дети были тоже красиво одеты»[1].

Родители А. И. Викторовой (1867–1945) – Иван Егорович Викторов и Мария Евреинова. Анна Ивановна и её старшая сестра Варвара были родными племянницами и воспитанницами (они рано осиротели) знаменитого археографа, историка книги, библиографа Алексея Егоровича Викторова. Он родился в феврале 1827 г. в семье дьякона села Студенниково Мценского уезда Орловской губернии. Окончил в 1846 г. Орловскую духовную семинарию, в 1850 году – Московскую духовную академию. В 1852 г. поступил младшим архивариусом в Главный архив Министерства иностранных дел, в 1861 г. выбран помощником библиотекаря Московского университета. С декабря 1862 г. до конца жизни работал в Московском публичном и Румянцевском музеях, где организовал Отделение рукописей и славянских старопечатных книг, являлся его хранителем. С 1868 по 1880 г. заведовал также архивом и канцелярией Оружейной палаты. За свою жизнь Викторов издал более 80 трудов, которые явились ценным вкладом в историческую науку. В 1879 г. был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук. Скончался в 1883 г. в Пятигорске.

Варвара Ивановна вышла замуж за орловского мещанина, владельца красильни Владимира Ивановича Данцигера. По воспоминаниям Т. С. Есениной, Анне Ивановне «после его [А. Е. Викторова] смерти пришлось бросить гимназию. Какое-то время она провела в Орле, приживалкой у старшей замужней сестры, а в возрасте двадцати трёх лет, с кем-то списавшись, двинулась на юг в надежде начать самостоятельную жизнь»[2].

В 1899 г. Данцигеры купили у орловского купца А. Д. Тягунова дом на Кромской улице в Орле. Детей у них не было, они всегда охотно оказывали помощь детям родственников. Не случайно здесь часто и подолгу жили представители семейства Райх. Возможно, именно с этой целью на той же усадьбе в 1906 году был построен просторный каменный флигель. Уже

в следующем году 13-летняя Зинаида Райх перевелась из гимназии в Бендерах (куда после событий 1905 года был выслан из Одессы Н. А. Райх) в орловскую гимназию Гиттерман. Благо, учебное заведение располагалось на центральной улице города – Болховской – всего в 10–15 минутах ходьбы от дома Данцигеров.

Гимназия именовалась по фамилии её владелицы Марии Вильгельмовны Гиттерман. В Орёл она приехала из Воронежа, где её отец, уроженец Ганновера и выпускник семинарии города Штаде в Германии Вильгельм Эрнестович Гиттерман (1821–1895) на протяжении четверти века преподавал немецкий язык в губернской гимназии[3].

Мария Гиттерман стала владелицей уже действовавшего в Орле частного учебного заведения (ранее последовательно принадлежало Е. П. Чибисовой, Ю. К. Остеррид, А. А. Сухотиной). По воспоминаниям современником, учёба в данной гимназии была исключительно престижной для орловцев. Так, А. А. Ситников указывал, что это было «среднее учебное заведение для наиболее зажиточного и интеллигентного круга населения Орла»[4], причём в круг интеллигенции он включал чиновников, учителей, адвокатов, врачей[5]. Вот как описывал бывший ученик орловского Александровского реального училища Ситников один из моментов подготовки благотворительного вечера 1906 года: «Мы идём к Марии Вильгельмовне Гиттерман – владелице частной гимназии, которая у нас в Орле считалась аристократической. Гимназия эта была близка нашему училищу, потому что наш директор А. Ф. Бердников по совместительству был председателем педагогического совета гимназии Гиттерман […] Гиттерман была красивая седая барыня, улыбающаяся и ласковая. Ей мы представили список её гимназисток, которых мы просили разрешить быть распорядительницами на нашем вечере, а остальным гимназисткам – посетить вечер в качестве гостей. Просьба наша была удов-

летворена, и любезная хозяйка взяла на себя почётный билет, передав нам за него 5 рублей»[6].

По подсчётам Л. В. Мурских, в гимназии Гиттерман основное число учениц составляли дочери дворян и чиновников (50–60%), представительницы городского сословия (купцы и мещане) – 30–40%, духовенства – 1–4%, сельского сословия – 2–16%, иностранки – 2–3%. Здесь был максимальный (по сравнению с другими учебными заведениями города) процент католичек и лютеранок (каждой категории – от 2 до 7%), иудеек (от 4 до 12%)[7].

В Государственном архиве Орловской области в фонде гимназии Гиттерман сохранился ряд документов, связанных с биографией Зинаиды Райх.

«Свидетельство

Предъявительница его Райх Зинаида Николаевна, дочь мещанина вероисповедания православного, родившаяся 21 июня 1894 г., на основании правил, изложенных в циркулярном министерском распоряжении от 20 января 1897 г. за № 2517, подверглась при Бендерской женской гимназии испытанию для получения свидетельства о знании курса трёх классов гимназии в мае 1907 г. и на означенном испытании обнаружила познания, оценённые отметками:

В Законе Божьем – удовлетворительно (3)

Русском языке и словесности – удовлетворительно (3)

Математике – хорошо (4)

Географии – хорошо (4)

Истории – хорошо (4)

Французском языке – хорошо (4)

Немецком языке – отлично (5)

А так как она, Райх, выдержала испытание из курса трёх классов, то на основании пункта 8 вышеуказанных правил

и ст. 45 Положения о женских гимназиях Министерства народного просвещения и согласно с определением педагогического совета Бендерской женской гимназии от 5 июня 1907 года выдаётся ей, Райх, настоящее свидетельство за подписью и приложением печати гимназии.

Город Бендеры, июня 7 дня 1907 года

И.о. председателя педагогического совета (подпись).

Начальница гимназии (подпись).

Секретарь совета (подпись).

(Печать, к документу приложено фото З. Н. Райх в форме гимназистки)»[8].

«Госпоже начальнице Орловской частной женской гимназии Гиттерман

Прошение № 61

Желая определить в женскую гимназию дочь мою Зинаиду Райх, родившуюся 21 июня 1894 года и обучавшуюся в Одесской женской гимназии Маковской, честь имею покорнейше просить ходатайство Ваше перед педагогическим советом о зачислении её в число учениц 4-го класса. […]

К сему прошению имею честь присовокупить нижеследующее обязательство: означенную мою дочь обязуюсь одевать по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и вносить установленную за обучение плату.

Жительство имею Бендеры Бессарабской губернии, Пушкинская улица, № 73.

1907 г.

9 августа

Анна Райх»[9].

«Госпоже начальнице Орловской частной женской гимназии Марии Вильгельмовне Гиттерман

Заявление

Желая по домашним обстоятельствам взять из гимназии дочь мою Зинаиду Райх, покорнейше прошу выслать ей бумаги и свидетельство о её переводе в V класс по означенному ниже адресу.

1908 года 30 мая.

Анна Ивановна Райх.

Адрес: Бендеры, Бессарабской губернии, Пушкинская улица, д. Семёнова, № 73»[10].

Итак, Зинаида Райх провела в орловской гимназии Гиттерман всего один учебный год. Но значение этого года в становлении её личности велико. И дело не только в подростковом возрасте, когда намечаются пути будущего взросления. Орёл по сравнению с Бендерами имел куда более высокий статус (губернский центр), был в 2–2,5 раза больше по населению. Здесь существовала куда более развитая образовательно-культурная и общественная среда. Причём гимназия занимала в данном социуме важное место. Обратимся к кратким сведениям об учебном заведении, помещённым в справочнике «Памятная книжка Орловской губернии на 1907 год».

Председатель «попечительного» совета – Вильгельм Вильгельмович Гиттерман, члены совета Алексей Фёдорович Бердников, Владимир Эмильевич Ромер.

Законоучители отец М. Смирнов и лютеранский пастор [Александр Адольфович] Альтгаузен.

Преподаватели Юлия Карловна Бундинг, В. С. Яницкая, В. В. Китайцева, О. Н. Гиттерман, Андрей Петрович Китайцев, Николай Михайлович Петровский, Всеволод Алексеевич Еловский, М. И. Зассе, коллежский асессор Георгий Иванович Зейтц, надворный советник Пётр Иванович Сычёв, Матвей Матвеевич Петров, Владимир Фомич Соболевский, Эммануил Иосифович Маршевский, Григорий Антонович Демьянов,

Николай Николаевич Сафонов, учитель музыки О. Г. Годелюк, учитель рукоделия Москаленко. Надзирательницы Юлия Фёдоровна Боркус, М. М. Михеева и М. М. Кортман[11].

Коротко остановимся на нескольких персоналиях из этого списка.

Владимир Эмильевич Ромер – член Государственного совета Российской империи, банкир. Умер 31 октября 1907 г. Его братья: Павел – профессор-математик Киевского университета, Фёдор – известный публицист и писатель.

Художник П. И. Сычёв, окончивший курс в Академии художеств, ещё в 1889 г. открыл в Орле рисовальную школу – это было первое художественное учебное заведение в губернском центре. Занятия здесь проводились по разработанной Академией художеств программе. Школа просуществовала 15 лет, в числе её учеников был Георгий Лукомский, будущий составитель описаний провинциальной, прежде малоизвестной широкому читателю, архитектуры, автор книг «Кострома» (1913, совместно с братом Владиславом), «Вологда в её старине» (1914), «Воронежская старина: О некоторых памятниках старинной архитектуры Воронежа» (1915), «Галиция в её старине» (1915), первой части «Памятников старинной архитектуры России в типах художественного строительства» (1916).

Эммануил Иосифович Маршевский окончил Дерптский университет, два года стажировался в Императорском Московском техническом училище, служил учителем механики в Тульском реальном училище, затем на аналогичной должности в Калуге, был преподавателем математики и физики в Смоленской Мариинской женской гимназии. В Орловской губернской мужской гимназии в конце XIX века был учителем Леонида Андреева и Сергея Городецкого. Бывший гимназист Городецкий вспоминал об этом в письме середины 1960-х гг. в орловский Музей И. С. Тургенева[12].

В воспоминаниях Ситникова упомянут организатор танцев на благотворительных ученических вечерах Георгий Иванович Зейтц – «в возрасте под 50 лет, но лёгкий и изящный француз, в танцах доходивший до зенита своих организационных способностей»[13]. Другой современник – Н. К. Матвеев отозвался о нём так: «обожаемый школярами Зейтц»[14]. Талант Зейтца как устроителя развлечений был столь велик, что по окончании вечера восторженные учащиеся несли его на руках[15].

Орловская гимназическая среда, знакомство с городом, круг общения – всё это сыграло немаловажную роль, когда всего десять лет спустя Зинаида Райх приехала в Орёл и заняла здесь заметное место в иерархии деятелей культуры, начала вести большую организаторскую работу.

Татьяна Есенина вспоминала, что «в ней было и что-то мятущееся, был дар потрясаться явлениями искусства и поэзии. Какое-то время она брала уроки скульптуры. Читала бездну. Одним из любимых её писателей был тогда Гамсун, что-то было близкое ей в странном чередовании сдержанности и порывов, свойственном его героям»[16]. И далее: «Душа Зинаиды Николаевны была открыта навстречу людям. Помню её внимательные, все замечающие и все понимающие глаза, её постоянную готовность сделать или сказать приятное, найти какие-то свои, особые слова для поощрения, а если они не находились – улыбка, голос, всё её существо договаривали то, что она хотела выразить. Но в ней дремали вспыльчивость и резкая прямота, унаследованные от своего отца»[17].

В ряде источников (например, в Википедии) указано, что после учёбы в гимназии в Бендерах Зинаида поступила на историко-литературный факультет Высших женских курсов в Киеве. В дореволюционном справочнике об этом учебном заведении есть такие сведения: «Киев, Фундуклеевская ул., д. 51. Плата 100 рублей. При подаче прошения должны быть пред-

ставлены в подлинниках следующие документы: а) метрическое свидетельство; б) аттестат и свидетельство об окончании курса среднего учебного заведения, дающего права домашней учительницы или домашней наставницы; в) согласие родителей или опекунов в случае несовершеннолетия просительницы; г) свидетельство о благонадёжности в случае окончания среднего учебного заведения ранее текущего года и д) фотографическую карточку с собственноручной подписью»[18].

Однако вопрос об учёбе Райх на данных курсах остаётся в числе дискуссионных, не подтверждённых документально, – возможно, была только попытка поступить сюда. В 1913 г. в Киеве Зинаида стала членом партии эсеров. Через год была арестована, два месяца провела в тюрьме. Уехала в Петроград и поступила на историко-литературный факультет историко-литературных и юридических курсы Раева. Это учебное заведение также имело статус вуза. В справочнике было указано: «Петроград, ул. Гороховая, 25. Плата 150 рублей. Желающие поступить присылают заявление на имя директора Н. П. Раева, прилагая подлинный аттестат об окончании курса в гимназии (8-й класс необязателен), институте, епархиальном училище и т.п., фотографическую карточку и марки на ответ»[19]. Примечательно, что несколькими годами ранее на этих же курсах и в Киеве, и в северной столице училась Анна Ахматова.

Зинаида работала секретарём в скульптурной мастерской и украдкой училась лепить. Вместе с дочерью в Петроград приехал поначалу и Николай Андреевич, пытался там устроиться на работу. Но вскоре ему пришлось уехать в Орёл, вместе с семьёй поселиться у сестры жены (её муж В. И. Даницгер к тому времени уже ушёл из жизни).

Второй «орловский период» в жизни Зинаиды Райх – 1917–1919 гг. Сразу после венчания она приезжает в Орёл с мужем Сергеем Есениным. И снова оказывается в этом городе в апре-

ле 1918 г. в ожидании родов. 29 мая 1918 г. у Есениных в Орле родилась дочь Татьяна.

Уже с первого августа, когда девочке минуло два месяца, Райх вынуждена была выйти на работу. Вторя А. Б. Мариенгофу, некоторые авторы пишут, что Зинаида Николаевна занималась в основном канцелярской работой. На самом деле это не так. Недавняя сотрудница (машинистка) Наркомпрода была назначена в Орле на должность инспектора, затем заведующей театрально-кинематографической секцией окружного комиссариата по военным делам (Военкомокра). Эта секция работала в агитационно-просветительском отделе (располагался на Введенской улице, дом 12), наряду со школьной, библиотечной, клубной секциями культурно-просветительного отделения агитационно-просветительного отдела комиссариата[20].

Также Райх заведовала клубом Красной Армии имени В. И. Ленина (был открыт в Орле в июле 1918 г. на углу улиц Болховской и Карачевской, входил в структуру губкома РКП(б)[21]). Вакансии «военного профиля» в городе появились не случайно – в начале мая декретом СНК был учреждён Орловский военный округ, объединивший гарнизоны Орловской, Черниговской, Воронежской и Курской губерний. Ещё в феврале 1918 г. в Орёл была переведена из Могилёва Ставка верховного главнокомандующего – всего в городе, как и в годы первой мировой войны, размещались десятки тысяч военнослужащих.

Орёл постоянно объявлялся то на военном, то на осадном положении. Однако, вопреки всем тяготам военно-революционной поры, культурная жизнь была весьма насыщенной. В феврале 1918 г. открывается губернская художественная школа, в следующем месяце создаётся комиссия по охране памятников искусства и художественных ценностей, губисполком принимает решение о создании в Орле Народного театра. Однако уже в середине года театральная коллегия губисполкома уволила

руководителей этого театра М. А. Днепрова и Г. В. Странского. Труппа: артисты Жданова, Сергеева, Холмина, Колобов, Дымский, режиссёр Градов и другие – вошли в состав Городского театра, который стал называться Советский народный театр[22]. В том же, 1918 г., в Орле появились «Интимный театр» и театр «Мозаика», впервые показывает спектакли Орловский гарнизонный театр (впоследствии «Рабоче-красноармейский»), создано Товарищество оперных артистов, формируются труппы железнодорожного театра и даже организуется театр Комитета безработных из интеллигентной молодёжи. В ноябре 1918 г. в Орле открыты музей-библиотека И. С. Тургенева, пролетарский университет имени В. И. Ленина.

В июле 1919 г. Зинаида Райх стала во главе подотдела (секции) искусств губернского отдела народного образования. «Хозяйство» у неё было весьма обширное: в Орле в то время насчитывалось 11 клубов, 2 народных дома, 10 музыкальных, 4 театральных и 2 художественных студии, 30 библиотек[23]. Немало учреждений и организаций имелось в Брянске, Ельце, Ливнах, Мценске, в уездах.

Накануне, в мае, в Орле были учреждены историко-художественный музей и пролетарская консерватория. Основной репертуар Орловского Советского театра в тот год: «Тартюф», «Свадьба Кречинского», «Лес», «Мещане» (в «Мозаике» ставились сценки А. Т. Аверченко)[24]. Режиссёр А. А. Сумароков вспоминал: «Спектакли решались в реалистическом плане, по старинке. Режиссура не блистала яркостью. Художник оформлял «павильоны», задник с нарисованными деревьями… Всё строилось на актёрах. Труппа, в общем, была хорошая, работали дружно… Советских пьес ещё не было. Играли старый репертуар – чистый, выдержанный. Зрители любили театр. Представители советской власти в Орле к театру относились превосходно»[25].

19 августа 1919 г. газета «Орловские известия» сообщала читателям: «Театр начинает становиться не на словах, а на деле действительным проводником искусства, культуры для широких масс трудящихся, для творца новой жизни – пролетариата… Жизнь сказала: театр не для одной забавы. Пролетариат сказал: Театр – школа и да будет таковой. А Союз работников искусств работает в области создания действительного Рабоче-Крестьянского театра. Желая успеха последним, мы скажем, что рука об руку с рабочими они создадут такие культурные ценности, о которых не могли думать и самые пылкие умы человечества».

Губернский отдел народного образования размещался в Орле на улице Борисоглебской, в бывшем институте благородных девиц, секция искусств располагалась в комнате № 8[26]. Зинаида Райх от данного отдела была избрана одним из двух представителей в образованную в Орле музыкальную коллегию губернского эмиссара музыкального отдела Наркомпроса. По её предложению из средств подотдела было ассигновано 25 тысяч рублей на изготовление 600 диапозитивов для лекций по истории искусств.

Райх была близко знакома с заведующим музеем художником Петром Сергеевичем Ткачевским (он исполнял её обязанности в подотделе искусств во время отпусков Зинаиды Райх), с членами комиссии по музеям и охране памятников. Знала она и орловского поэта Евгения Сокола. Примечательно, что одну из декабрьских ночей 1925 г. Есенин и Сокол в Москве провели вместе. Сокол рассказал об этой встрече с Есениным в своих воспоминаниях «Одна ночь», причём в черновом варианте очерка была и такая фраза: «Говорил он о первой жене… Спрашивал о том, как она жила в Орле (1918–1919 гг.)»[27].

Осень 1919 г. была исключительно тревожной – бои с белогвардейскими частями шли на подступах к Орлу. Зинаида

Николаевна уехала с дочкой в Москву, с 15 ноября работала в подотделе народных домов и клубов внешкольного отдела Наркомпроса консультантом по искусству. В личной карточке сотрудника Наркомпроса было записано: «Причина увольнения с последней должности – эвакуация Орла»[28]. Город был занят Корниловской дивизией 13 октября, уже спустя неделю сюда снова вошла Красная Армия.

Татьяна Есенина писала в воспоминаниях: «В самом начале 1920 года в Доме матери и ребенка, который помещался на Остоженке, она родила сына… Костя опасно заболел, его еле спасли. С путёвкой в санаторий мать с грудным ребенком на руках месяц ехала в теплушке до Кисловодска. Брат выздоровел, но очень крепкое от природы здоровье матери оказалось подорванным, и на неё одна за другой посыпались тяжёлые болезни»[29].

После рождения сына Зинаида Райх некоторое время жила в Доме матери и ребёнка, работала в Наркомпросе. Весной 1921 г. уехала в Орёл уже с двумя детьми и сразу же начала работать – преподавала на театральных курсах историю театра и костюма. Её преподавательская деятельность была весьма востребована. Как писал орловский историк театра Л. Н. Афонин, «в начале 1920-х годов на орловскую сцену приходят молодые актёры из народа, свою мечту о жизни в искусстве пронёсшие сквозь грозную пору революции и гражданской войны»[30].

В это же время начинается бракоразводный процесс с Есениным. Сохранилась заверенная в Орле копия заявления Сергея Александровича:

«19 февраля 1921 г. Москва

В Отдел Бракорасторжений

Сергея Александровича Есенина, гр. Рязанской губ. и уезда, села Константинова

Заявление

Прошу не отказать в Вашем распоряжении об оформлении моего развода с моей женой Зинаидой Николаевной Есениной-Райх. Наших детей – Татьяну трёх лет и Константина одного года оставляю для воспитания у моей бывшей жены Зинаиды Николаевны Райх, беря на себя матерьяльное обеспечение их, в чём и подписываюсь. Сергей Есенин, Москва, 19 февр. 1921 г.»[31].

Развод в феврале не был оформлен, и только 5 октября 1921 года, по заявлению Зинаиды Николаевны, было принято окончательное решение. Сохранилась копия определения суда:

«[…] Народный судья 14 участка Орловского судебного округа в открытом судебном заседании в составе: настоящего судьи Б. Я. Лебединского, рассмотрев бракоразводное дело по ходатайству гр. Зинаиды Николаевны Есениной о расторжении брака с мужем Сергеем Александровичем Есениным и принимая во внимание заявление просительницей ходатайства представленным документам, заочно определил: брак гр. Зинаиды Николаевны Райх с гр. Сергеем Александровичем Есениным, совершенный причтом Кирико-Иулитовской церкви Вологодского уезда 4 августа 1917 года, расторгнуть. З. Н. Есениной впредь носить фамилию «Райх». Малолетних детей Татьяну трех лет и сына Константина 1 года оставить на попечение матери. Предоставить право Есениной обратиться в соответствующий Нарсуд с ходатайством о взыскании с Есенина расходов на содержание детей, оставив в настоящем заседании ходатайство ее о сем без рассмотрений. Копию сего определения сообщить ответчику Есенину и по вступлении его в законную силу в О. З. А. Г. С. Вологодского уезда»[32].

Последствия тифа одолевали 27-летнюю женщину, столько пережившую и испытавшую. Врачи настойчиво советовали Анне Ивановне:

– Ваша дочь должна посвятить себя какому-то интересному для неё делу. Тогда она будет здорова[33].

Осенью 1921 г. Зинаида Райх уехала в Москву на учёбу. Заметим, что именно в это время, с окончанием гражданской войны и началом НЭПа, отправились на учёбу в столицу многие активные деятели Орловщины революционной поры: будущие писатель Лев Овалов, литературовед Валерий Кирпотин, ответсекретарь Союза писателей БССР Яков Бронштейн и др. Райх стала студенткой Высших театральных мастерских – режиссёрского отделения, куда поступила вместе с С. М. Эйзенштейном и С. М. Юткевичем. Так обозначился водораздел, резко разделивший ей жизнь: «Едва не погибнув, она словно родилась снова. В ней многое изменилось. Она могла быть какой угодно смешливо-радостной, нежной, поэтичной, бурной, гневной, резкой, а в глазах всегда где-то прятались грусть и боль»[34].

Роман и брак с В. Э. Мейерхольдом, переезд в Москву из Орла детей, а затем и родителей Зинаиды Райх (на её попечении теперь оказалась и тётя В. И. Данцигер, прежде много лет заботившаяся о племяннице). Впереди была яркая карьера ведущей актрисы столичного театра, успехи и невзгоды, трагический финал всей жизни.

Примечания

[1] Есенина Т. С. Зинаида Николаевна Райх // Есенин и современность / Сб. под ред. М. Базанова и Ю. Прокушева; Ин-т рус. литературы АН СССР (Пушкинский дом). – М.: Современник, 1975. С. 360.

[2] Там же.

[3] Пантелеевский Н. Н. Материалы для истории Воронежской гимназии. Должностные лица гимназии за столетие (1786–1886) // Памятная

книжка Воронежской губернии на 1900 год / Издание Воронежского губернского статистического комитета; Сост. под ред. чл.-секр. стат. ком. М. Н. Былова. – Воронеж: Типо-литогр. губ. правл., 1899. – Разд. III. С. 29.

[4] Ситников А. А. Воспоминания реалиста. Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2004. С. 58.

[5] Там же. С. 59.

[6] Там же. С. 42.

[7] Мурских Л. В. Из истории женского среднего образования в городе Орле во второй половине XIX – начале XX в. // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 2 (40). С. 50.

[8] Государственный архив Орловской области. Ф. 493. Оп. 1. Д. 78. Л. 51.

[9] Там же. Л. 45.

[10] Там же. Л. 46.

[11] Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1907 год: Издание канцелярии Орловского губернского статистического комитета. Орёл: Тип. Губернского правления, 1907. С. 75–76.

[12] Орловский объединённый государственный литературный музей И. С. Тургенева. Ед. хр. 18219-ОФ.

[13] Ситников А. А. Воспоминания реалиста. С. 39.

[14] Матвеев Н. К. Воспоминания о губернском Орле и послетургеневском Мценске / запись и лит. ред. и коммент. Н. М. Чернова. Орёл: [издатель Воробьёв А. В.], 2003. С. 29.

[15] Ситников А. А. Воспоминания реалиста. С. 47.

[16] Есенина Т. С. Зинаида Николаевна Райх. С. 357.

[17] Там же. С. 359.

[18] Подруга: Календарь для учащихся в женских учебных заведениях на 1917–1918 г. Пг.: Издание Отто Кирхнер, 1916. С. 171–172.

[19] Там же. С. 169.

[20] Советский справочник: Советские учреждения ЦИК города Орла и Орловской губернии / Под ред. Б. Волина [и др.]. Орёл: Губисполком, 1919. С. 233.

[21] Там же. С. 216.

[22] Афонин Л. Н. Повесть об Орловском театре. Тула: Приокское кн. изд-во, 1965. С. 180, 184.

[23] Сизов С. Г. Двадцатый век – не для камина: историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова. – Омск: ОмГПУ, 2008. С. 48.

[24] Афонин Л. Н. Повесть об Орловском театре. С. 181.

[25] Там же. С. 183–184.

[26] Советский справочник: Советские учреждения ЦИК города Орла и Орловской губернии / Под ред. Б. Волина [и др.]. – Орёл: Губисполком, 1919. С. 202.

[27] Сергей Есенин и Зинаида Райх: Орловские страницы биографии поэта / А. В. Гольцова. – Орёл: Вешние воды, 1995. С. 31.

[28] Варшавский Л. Г., Хомчук Н. И. К биографии Сергея Есенина: (Зинаида Райх и Сергей Есенин) // Русская литература. 1976. № 3. С. 167.

[29] Есенина Т. С. Зинаида Николаевна Райх. С. 363.

[30] Афонин Л. Н. Повесть об Орловском театре. С. 187.

[31] Варшавский Л. Г., Хомчук Н. И. Указ. соч. С. 168.

[32] Там же.

[33] Есенина Т. С. Зинаида Николаевна Райх. С. 364.

[34] Там же.

«ЖИЗНЬ НЕУКРОТИМАЯ»

[Предыстория знакомства
Сергея Есенина с Сергеем Городецким]

Сергей Митрофанович Городецкий

«Осуществлением долгожданного чуда» назвал поэт Сергей Городецкий восхождение на поэтический небосклон яркой звезды Сергея Есенина. Первая встреча с Есениным имела для Городецкого символический характер: прекрасно знавший жизнь провинции, сложные судьбы народных поэтов, Городецкий увидел в юном даровании надежду всей русской литературы и сразу дал Есенину рекомендательные письма в редакции ряда петроградских изданий. Городецкий также принял непосредственное участие в судьбе молодого поэта в непростое военное время.

В чём истоки такой приязни петербургского поэта к незнакомому собрату из рязанской глубинки? В случайном родстве душ или в том, что было сформировано, предопределено всем ходом жизни в России и литературным процессом, в частности?

Писатель, поэт, драматург, переводчик и критик Сергей Митрофанович Городецкий родился 5 января 1884 г. в Санкт-Петербурге. Однако все его родовые корни – орловские, среди предков Сергея Митрофановича были священнослужители, уездные чиновники[1].

Его отец, Митрофан Иванович, уроженец Елецкого уезда, служивший земским чиновником, был в то же время писателем-этнографом, автором десятка книг и более ста статей по истории, этнографии, археологии, дружил с Н. С. Лесковым и скульптором М. О. Микешиным, переписывался с С. М. Соловьёвым[2]. Литературовед С. И. Машинский отмечал: «Отец Сергея Городецкого, самозабвенно любивший искусство, был первым человеком, внушившим ему горячую любовь к поэзии, к Пушкину, Кольцову, Никитину»[3]. Мать Сергея – урождённая Анучина, орловчанка, в юности была знакома с И. С. Тургеневым, «обрезав буйные косы», увлекалась идеями шестидесятников[4].

Отец умер в 1893 г., оставив пятерых детей. Именно тогда Сергей ощутил влечение к литературе: «Стихи я бормотал с детства, записывать стал девяти лет, после семейной катастрофы – смерти отца»[5]. В 1897 г. осиротевшая семья переехала в Орёл, на родину отца и матери[6]. Сергей Городецкий учился в Орловской гимназии в 5 и 6 классе. К сожалению, в обширном фонде гимназии в Государственном архиве Орловской области отсутствует личное дело С. М. Городецкого. В личном деле его младшего брата Александра[7] имеется ряд сведений о семье Городецких и непосредственно о Сергее. Так, в датированном 16 июля 1898 г. прошении о зачислении Александра во 2-й класс Орловской гимназии мать Е. Городецкая указала адрес места жительства в Орле: улица Большая Мещанская, дом Струкова, № 10[8]. В деле имеется также письмо[9] директора 6-й петербургской гимназии директору Орловской гимназии от 6 июля 1898 г. (ответ на письмо из Орла от 26 июня 1898 г.):

«Ученики вверенной мне гимназии Городецкие Сергей и Александр, оба поведения отличного, нравственности безупречной и по успехам и прилежанию удостоены перевода: первый, Сергей – в 5-й класс без экзамена и с наградой 2-й степени, второй, Александр, во 2-й класс по испытанию».

Сохранилась также копия свидетельства, выданного Александру Городецкому в Орловской гимназии для продолжения учёбы в Петербурге: в нём значилось, что он выбыл из учебного заведения в августе 1900 г., отличного поведения, имел удовлетворительные оценки, кроме Закона Божия (хорошо)[10].

В конце XIX – начале XX вв. вокруг Орловской классической гимназии сложилась литературная среда, способствовавшая развитию интереса и навыков литературной деятельности. Так, здесь преподавали лица, занимавшиеся профессиональной литературной и литературоведческой деятельностью: печатавшийся в столичных охотничьих журналах Н. А. Вербицкий (Антиохов), известный донской писатель Ф. Д. Крюков (служил в гимназии учителем истории и географии), автор известных по всей России учебников русской словесности И. М. Белоруссов. В гимназии учились будущий автор учебников словесности В. Ф. Саводник и литератор П. А. Россиев, экстерном её закончили М. Я. Притыкин, ставший известным публицистом, и А. Ф. Диесперов, поэт, переводчик, автор литературно-критических работ. Будущий поэт А. И. Тиняков вместе с другими гимназистами старших классов издавал рукописный журнал «Школьные досуги» (1902–1903 гг.) со своими стихами, рассказами, критическими заметками.

Когда в середине 1960-х гг. в Орловской областной библиотеке имени Н. К. Крупской началась подготовка справочника «Писатели орловского края», соответствующее письмо Городецкому направила один из участников этого проекта, сотрудница библиотеки Г. М. Шевелёва. Городецкий откликнулся, вот

отрывок из его письма от 7 сентября 1966 г.: «В Орле, [на] родине моей матери (Анучиной) и отца[11], я жил и учился в гимназии два года, точнее четыре полугодия (97/98–98/99), хорошо помню своих учителей (математика Маркевского, историка Горшечникова, грека Шадека и др.), также и учеников (Фоминых, бр. Лопухиных и др.). Есть интересные эпизоды. Помню город и могилы предков в кованых решётках, Болховскую и Кромскую улицы, сады и Оку»[12].

Необходимо дополнить это письмо короткими сведениями об орловских учителях Городецкого. По совпадению, они же были и учителями Л. Н. Андреева, учившегося в гимназии примерно на десять лет раньше. Так, Николай Иванович Горшечников окончил Петербургский педагогический институт, преподавал в Орле с 1880 по 1905 г. Был награждён орденами Станислава 2-й и 3-й степени, Святой Анны 3-й степени. В числе его учеников были также братья Покровские, будущий директор департамента полиции А. А. Лопухин, П. А. Столыпин, Тиняков. По воспоминаниям бывших гимназистов, «уроки его были очень интересны, когда он рассказывал задаваемое. Но спрашивать не любил, хотя аккуратно половину урока отводил на спрашивание, причём ясно давал понять ученикам, что лишь вынужденно исполняет волю начальства»[13]. Горшечников стал прототипом персонажа по фамилии Бочкин в рассказе Андреева «Молодёжь».

Иосиф Францевич Шадек, чех по происхождению, уроженец Богемии, учился в Императорской Русской филологической семинарии в Лейпциге, служил учителем в Смоленске, Нижнем Новгороде, Костроме. Очень живой и мягкий человек, «недурно пел чешские народные песни»[14].

Эммануил Иосифович Маршевский (в письме Городецкого неверно указано «Маркевский») окончил Дерптский университет, два года стажировался в Императорском Московском

техническом училище, служил учителем механики в Тульском реальном училище, затем на аналогичной должности в Калуге, был преподавателем математики и физики в Смоленской Мариинской женской гимназии.

Годы учёбы Городецкого в Орле были отмечены важными событиями: декабрь 1897 г. – открытие историко-археологического музея, ноябрь 1898 г. – начало трамвайного движения, май 1899 г. – празднование 100-летия со дня рождения Пушкина, сбор книг для создаваемой библиотеки его имени. Однако не только праздники составляли жизнь школяра: с 6-го класса Городецкому пришлось подрабатывать уроками, он видел, как непросто устроена жизнь в провинции.

Провинциальная общественно-культурная среда, как известно, дихотомична. С одной стороны, содержание концепта «провинция» – это почва, корни, связь с народом, сердечность, подлинность (С. Т. и И. С. Аксаковы, Лесков). С другой стороны, «провинция» – второстепенность (В. И. Даль: провинциал – житель захолустья), стагнация, застой, ущербность, ограниченность (сюжеты Н. В. Гоголя, Н. Г. Помяловского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова). Для кого-то в юности негативные стороны провинциальной жизни становятся губительными для развития личности, другие, напротив, обращают на них куда меньше внимания, ценя в первую очередь то положительное, что отличает провинцию от столиц. Можно с уверенностью сказать, что Городецкий пошёл по второму пути, хотя в последующем он был в основном столичным жителем.

В 1902 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Здесь встретился и подружился с А. А. Блоком. Тот очень высоко оценил ранние стихи младшего товарища. Городецкий вспоминал: «такого прямого и нежного толчка к развитию и творчеству, как от косноязычных реплик Блока, я никогда не имел, даже от самых признанных

критиков»[15]. Городецкий дебютировал в кругу символистов, но выделялся среди них своеобразным поиском народности. Ещё в 1904 г. он увлёкся фольклором: «Летом я поехал на «кондиции» (уроки) в усадьбу тогдашней Псковской губернии. Всё свободное время я проводил в народе, на свадьбах и похоронах, в хороводах, в играх детей. Увлекаясь фольклором ещё в университете, я жадно впитывал язык, синтаксис и мелодии народных песен»[16].

Этот интерес, а ещё задор молодости определили содержание и поэтику первой стихов «Ярь» (СПб., 1907), уходящей корнями в традиции народной поэзии. Она родилась в русле всеобщего интереса интеллигенции начала века к русской старине, принесла поэту признание, её высоко оценили К. И. Чуковский, М. А. Волошин, Блок. В том же году вышла вторая книга Городецкого «Перун», в 1908 г. – третья книга «Дикая воля». Однако эти издания не получили столь лестных откликов. В. Я. Брюсов писал: «Разница между «Ярью» и «Перуном» только та, что лучшие стороны дарования С. Городецкого представлены в «Перуне» слабее, а более слабые черты везде первенствуют»[17].

Современный исследователь К. Ф. Бикбулатова подчёркивает, что «Перун» и «Дикая воля» современниками воспринимались «как вторичные и вдобавок сделанные наспех – в первую очередь это замечают сами символисты, столь чуткие к поэтическому слову. Процесс расхождения с прежними друзьями особенно усиливается после появления сборников «Русь» (1909) и «Ива» (1912). Отзывы приобретают убийственный характер – фальшь, самохвальство, псевдонароднические выкрики и т. д.»[18]

13 ноября 1908 г. Блок в религиозно-философском обществе прочёл доклад, в котором говорил о «недоступной черте», существующей между интеллигенцией и народом, черте, которая определяет трагедию России (12 декабря доклад был повторен Блоком в Литературном обществе, где заседание состоялось под

председательством В. Г. Короленко). Городецкий не принимал тезиса автора доклада о «недоступной черте», утверждал, что в конечном счёте для Блока не органична тема России. 9 декабря 1908 г. он писал Блоку: «я родился с ней, а ты к ней пришёл […] И ты мне тягостен словами о пропасти между поэтом и народом. Я её не ощущаю. Её нет. И хочу, чтобы ты ощутил так же»[19].

В статье «Поэт и национальность»[20] Городецкий упрекнул символистов в том, что их «излишняя изысканность» привела к оторванности от народа, к отсутствию национального начала в поэзии. Как антитеза этому – создание Цеха поэтов, журнала «Гиперборей», основание акмеизма. Однако много лет спустя Городецкий признал: «Нам казалось, что мы противостоим символизму. Но действительность мы видели на поверхности жизни, в любовании мёртвыми вещами и на деле оказались лишь привеском к символизму и были столь же далеки «от живой жизни, от народа»»»[21].

В. П. Енишерлов верно подметил, что Городецкий, «один из столпов и теоретиков акмеизма, сохранил в своём творчестве связь с национальными корнями русской культуры, непосредственность и фольклорную образность поэзии»[22]. В те годы интерес к традициям народной поэзии у Городецкого вылился в работу над полным собранием сочинений Никитина. Двухтомник вышел в петербургском издательстве «Деятель» в 1912 г. и был приурочен к 50-летию со дня смерти поэта. Городецкому пришлось немало поработать над составлением, помимо занятий с текстами он даже отправился в Воронеж на открытие памятника Никитину в октябре 1911 г. Городецкий так отзывался о его стихах: «Надо только вслушаться в тягучий их ритм, и их эпитеты, благостные и улыбающиеся, в тон, каким говорится и о пчёлах, и об яствах, и о паутине, и об одежде, чтобы ясно увидеть, как любовно принимает поэт в лоно своих взоров дорогой ему мир русской действительности, с какой

увлекательной нежностью описывает он все подробности, все ужимки, все мелочи. В этой солнечной любви бесследно растворяются все угловатости характеров, вся неказистость быта. А это и есть глубинное свойство идиллического поэта – видеть мир как прекрасную и спокойную картину»[23]. Работа Городецкого над изданием стихов Никитина была неожиданна для современников, но в итоге нашла доброжелательный отклик.

Казалось бы, Городецкий уже был готов встретить и всеми силами поддержать проявившегося в народе нового Никитина. Однако впереди было испытание, куда более суровое, чем споры поэтов. Началась война. Как отметила Бикбулатова, «в событиях Первой мировой войны он увидел воплощение своих чаяний о единении интеллигенции и народа и даже начало новой эры в истории России, которой будет суждено возглавить весь славянский мир […] действительность вскоре заставила его горько раскаяться в неумении воспринять войну как огромную народную трагедию»[24].

В эти дни смятения, отчаяния и надежд случилась встреча с Сергеем Есениным. Впервые они встретились 11 марта 1915 г., когда юный поэт пришёл на квартиру Городецкого с запиской от Блока. Городецкий дал Есенину рекомендательные письма в редакции ряда петроградских изданий. Городецкий принял непосредственное участие в судьбе поэта в непростое военное время. Есенин высоко ценил эту помощь. Приведём несколько вариантов его свидетельства о встрече из автобиографий 1922–1924 гг.

Итак, 1922 г.: «Восемнадцати лет я был удивлён, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и неожиданно грянул в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй – Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта. Городецкий меня свёл с Клюевым, о котором я раньше не слыхал ни слова»[25].

1923 г.: «Зашёл к Блоку, Блок свёл с Городецким, а Городецкий с Клюевым. Стихи мои произвели большое впечатление. Все лучшие журналы того времени (1915) стали печатать меня, а осенью (1915) появилась моя первая книга «Радуница»» [VII, кн. 1, 12].

1924 г.: «Приехал, отыскал Городецкого. Он встретил меня весьма радушно. Тогда на его квартире собирались почти все поэты. Обо мне заговорили, и меня начали печатать чуть ли не нарасхват» [VII, кн. 1, 15–16].

Сам Городецкий признавался: «Я не помню подробностей первой встречи […] **Факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда** (выделено мной. – А.К.), а вместе с Клюевым и Ширяевцем, который тоже около этого времени появился, Есенин дал возможность говорить уже о целой группе крестьянских поэтов»[26].

В автобиографии «Мой путь» Городецкий вспоминал: «В 1915 году ко мне пришёл Сергей Есенин. «Из книги «Ярь» я узнал, что *так* можно писать стихи», – сказал он мне. Появились в моём доме и Николай Клюев и Александр Ширяевец. Я организовал группу «Краса». Устраивали вечера»[27].

Хотя кружок народных писателей «Краса» и общество содействия народной литературе «Страда», призванные объединить писателей из народа Клюева, Клычкова, Ширяевца и других, вскоре распались, их творчество Городецкий решительно противопоставлял своим бывшим соратникам не только по символизму, но и по акмеизму.

Городецкому Есенин посвятил при публикации в «Новом журнале для всех» (Пг., 1915, № 4) стихотворение «Зашумели над затоном тростники…». В первой редакции воспоминаний о Есенине[28] Городецкий сообщал, что ему также был посвящён первоначально весь первый сборник Есенина «Радуница». Дружескими остались их отношения и во все последующие

годы, хотя Городецкий не примыкал к тем литературным группировкам, в которых участвовал Есенин. Городецкий размышлял позднее: «Что я дал ему в этот первый, решающий период? Положительного – только одно: осознание первого успеха, признание его мастерства и права на работу, поощрение, ласку и любовь друга. Отрицательного – много больше: всё, что воспитала во мне тогдашняя питерская литература: эстетику рабской деревни, красоту тлена и безвыходного бунта»[29]. С сожалением писал Городецкий о том, что удивительному таланту Есенина не суждено было раскрыться в полной мере: «Вся его работа была только вступительным началом»[30].

«Жизнь неукротимая» – так назвал Городецкий свой очерк 1917 г. из цикла «В стране ручьёв и вулканов». Он был не просто бытописателем, он убеждал читателей в том, что война, несмотря на все утраты и жертвы, бессильна разрушить вековой уклад жизни армянского народа. Сочетание «неукротимая жизнь» применимо не только к тому времени и не только к кавказским реалиям, представшим перед глазами военного журналиста Городецкого. Неукротимая жизнь – это вечное движение человечества к добру и справедливости, это рождение самыми глубинами народной стихии талантов и гениев, это стремление более сильных и успешных протянуть руку помощи тем, кто делает первые шаги на пути раскрытия своих неведомых способностей. С юности чуткий к зову неукротимой жизни, Сергей Городецкий показал всем современным и будущим поэтам пример отношения к своему собрату.

Примечания

1 Подробнее см.: Кондакова Л. Городецкий и Орловщина // Орловский вестник, 2022, 12 окт.

[2] Городецкий С. М. Мой путь // Советские писатели. Автобиографии в 2-х т. Т. I / Сост. Б. Я. Брайнина, Е. Ф. Никитина. М.: Худож. лит., 1959. С. 320.

[3] Машинский С. И. Поэзия Сергея Городецкого // Слово и время: статьи. М.: Сов. писатель, 1975. С. 376.

[4] Городецкий С. М. М. Мой путь. С. 320.

[5] Городецкий С. М. Мой путь. С. 322.

[6] Городецкий С. М. Мой путь. С. 321.

[7] Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 64. Оп. 2. Д. 273.

[8] ГАОО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 273. Л. 1. По всей вероятности, № 10 – не номер дома (до 1917 года нумерации домов в Орле не существовало), а номер квартиры.

[9] ГАОО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 273. Л. 3.

[10] ГАОО. Ф. 64. Оп. 2. Д. 273. Л. 5.

[11] М. И. Городецкий родился в уездном центре Орловской губернии городе Ельце.

[12] Орловский объединённый государственный литературный музей И. С. Тургенева. Ед. хр. 18219.

[13] Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. Орёл: Издатель Александр Воробьёв, 2010. С. 11.

[14] Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. С. 52, 53, 54, 217.

[15] Городецкий С. М. Воспоминания об Александре Блоке // Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания / Сост., послесловие и примеч. В. П. Енишерлова. М.: Современник, 1984. С. 23.

[16] Городецкий С. М. Мой путь. С. 322.

[17] Брюсов В. Соч.: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и, коммент. А. А. Козловского. Т. 2. М.: Худож. лит., 1987. С. 342.

[18] Бикбулатова К. Ф. Городецкий Сергей Митрофанович // Русская литература XX века: прозаики, поэты, драматурги: биобиблиогр. слов.: В 3 т. / Ин-т русской лит. РАН (Пушкинский дом) / Науч. ред. и сост. В. Н. Запевалов, В. А. Котельников, А. М. Любомудров, В. П. Муромский, А. И. Павловский; под общ. ред. Н. Н. Скатова. Т. I. М.: ОЛМА-пресс Инвест, 2005. С. 536.

[19] Лит. наследство. М., 1981, Т. 92. Кн. 2. С. 36.

[20] Утро, 1908, 17 нояб.

[21] Городецкий С М. Мой путь. С. 325.

[22] Енишерлов В. П. Жизнь неукротимая Сергея Городецкого // Городецкий С. Жизнь неукротимая. М.: Современник, 1984. С. 249.

[23] Городецкий С. М. Лирика Никитина // Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984. С. 131–132.

[24] Бикбулатова К. Ф. Городецкий Сергей Митрофанович. С. 537.

[25] Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и ком-

мент. А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 8.

[26] Городецкий С М. Воспоминание о С. А. Есенине // Жизнь неукротимая. М., 1984. С. 38.

[27] Городецкий С М. Мой путь. С. 326.

[28] Новый мир. 1926, № 2. С. 140.

[29] Городецкий С. М. Воспоминание о С. А. Есенине. С. 40.

[30] Городецкий С. М. Воспоминание о С. А. Есенине. С. 50–51.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ИВАН НОВИКОВ

Иван Алексеевич Новиков

Граней творчества именитого писателя Ивана Алексеевича Новикова (1877–1959) достаточно много: мы традиционно знаем его, прежде всего как романиста, автора повестей и рассказов, но был он ещё и драматург, публицист, литературный критик, поэт.

Выросший в орловской глубинке, на земле Тургенева и Фета, он признавался: «Стихи сопутствуют всей моей жизни, начиная с детских лет, и основное в них поэтическое восприятие природы и человеческих чувств, раздумья над жизнью»[1]. Первые стихотворные опыты относятся к периоду учёбы Новикова в Московском земледельческом училище. Уже тогда обозначились такие особенности, как жизнерадостное ощущение бытия, любовь к людям, раздумья над жизнью. Новиков – автор множества стихов для детей (почти полутора десятков небольших сборников, большинство которых вышли в свет в Госиздате в середине 1920-х годов). Начало этой линии в его писательском занятии положила из-

данная И. Д. Сытиным в 1913 году небольшая книга «Стихи деткам». Весьма необычно было в ней сочетание революционности автора и его приверженности православию. Первая строфа сборника:

Девочка с книжицей
Идёт да идёт…
Девочка движется
Вперёд да вперёд!

А завершало книгу стихотворение «Про зимних зайчат»:

Праздник радостный сегодня,
В день Крещения Господня
Через тын и городьбу
Белых зайчиков гурьбу
В сад Пречистая послала…

Тематику стихотворений Новикова (писал он стихи на протяжении всей последующей жизни) характеризуют названия разделов книги «Под родным небом», изданной в 1956 году и включающей стихи разных лет: «Моя земля», «Любовьи верность.», «Живые портреты», «Раздумья», «Любимый труд», «Художники слова», «Годы странствий», «Арабески», «Родник». Заметим также, что новиковский перевод «Слова о полку Игореве» считается одним из лучших. Своими размышлениями о свойствах поэзии он делился с читателями в книге «Писатель и его творчество» (М., 1956), в послесловии к переведённому им бурятскому эпосу «Аламжи Мерген» (М., 1959).

Ещё в начале века Новиков познакомился с А. Блоком, В. Брюсовым, А. Ремизовым, Б. Зайцевым, Ю. Балтрушайтисом. Живя в Киеве, поначалу тяготел к поэзии символистов,

участвовал в журнале «В мире искусств». Переехав в Орёл, стал работать агрономом в губернском земстве и секретарём сельскохозяйственного журнала. Заочно Новиков и Есенин знали друг друга ещё с дореволюционной поры. Весной 1916 года в журнале «Северные записки» одновременно печатались повести «Калина в палисаднике» Новикова и «Ярь» Есенина. Накануне революции 1917 года Новиков женился и переехал из Орла в Москву, сменив профессию агронома на положение свободного литератора. Однако его сразу призвали на военную службу рядовым солдатом.

На волне революционных событий военная служба Новикова быстро заканчивается. Уже в середине мая 1918 года газеты «Жизнь» (№ 13) и «Раннее утро» (№ 82) анонсировали выступления Есенина, Ходасевича, Новикова и других поэтов в московском кафе «Трилистник» (Петровские линии).

Спасаясь от голода, Новиков в 1918 году вывозит семью на лето в родное село Ильково, где жили две его сестры, с которыми он постоянно переписывался. Однако и здесь было неспокойно: тогда в селе был убит племянник писателя Григорий Шанявский. Были планы окончательно перебраться из столицы в Орёл. Писатель И. Ф. Каллиников писал из губернского центра Новикову в Москву в середине октября 1918 года: «Коли Вам необходима будет служба, то возможно устроиться в орловский союз потребительских обществ, где служу я, – есть место инструктора по кооперации»[2].

Однако в Москве Новиков быстро нашёл занятие: становится членом художественной коллегии Всероссийского фотокиноотдела и репертуарной секции театрального отдела Наркомпроса (секцией заведовал Балтрушайтис, ему, помимо Новикова, помогал Г. И. Чулков), входит в состав правления Московского профессионального союза писателей. Неоднократно его творческие пути пересекаются с путями Есени-

на, о чём можно судить по содержанию 5-томной «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина». Так, в декабре 1918 года в правление Московского профессионального союза писателей обратился 23-летний Есенин:

«В профессиональный союз писателей
Сергея Александровича Есенина
Заявление

Прошу зачислить меня в союз писателей. Имею вышедших четыре книги: «Радуница», «Голубень», «Преображение» и «Сельский часослов».

Сергей Есенин.
1-й Тверской Комиссариат.
Крестовоздвиженский, 2, кв. 18».

На заседании правления 17 декабря 1918 года присутствовали Б. К. Зайцев, Е. Г. Лундберг, И. А. Новиков, М. А. Цявловский, А. Н. Чеботаревская, Г. И. Чулков, А. М. Эфрос. Поручителями Есенина перед правлением выступили Ю. А. Бунин и И. А. Белоусов – на заявлении Есенина стоят их подписи. Поэт был избран в Московский профессиональный союз писателей единогласно.

Вскоре он подал второе заявление:

«В союз московских писателей
Сергея Александровича Есенина
Заявление

Прошу союз писателей выдать мне удостоверение для местных властей, которое бы оберегало меня от разного рода налогов на хозяйство и реквизиций. Хозяйство моё весьма маленькое (лошадь, две коровы, несколько мелких жив<отных> и т.д.), и всякий налог на него может выбить меня из колеи творческой работы, то есть вполне приостановить её, ибо я, не эксплуатируя чужого труда, только этим и поддерживаю жизнь моей семьи.

Сергей Есенин.

Село Константиново Федякинской вол. Рязанской губ. и уез.».

Второе заявление рассматривалось на заседании, где присутствовали председатель М. О. Гершензон, В. Г. Лидин, Е. Г. Лундберг, И. А. Новиков, М. А. Осоргин, М. А. Цявловский, А. Н. Чеботаревская, Г. И. Чулков, Г. Г. Шпет, А. М. Эфрос. В протоколе было отмечено, что «заявление члена союза С. А. Есенина о выдаче ему от союза бумаги, которая охраняла бы его хозяйство от налогов и реквизиций», стояло в повестке дня вторым пунктом. Было «постановлено: <…> 2) М. О. Гершензону переговорить о выдаче такого рода бумаг с [управляющим делами Народного комиссариата по просвещению] В. В. Покровским».

Обратим внимание на присутствие на первом заседании одновременно Зайцева и Новикова. По совпадению, именно в 1918 годувышла в свет повесть Зайцева «Голубая звезда», в которой Новиков послужил прообразом главного героя Алексея Петровича Христофорова. Со своего земляка-орловца Зайцев рисовал облик идеального героя – доброго, кроткого, осенённого благодатью Всевышнего, умеющего всё принимать безропотно и благословляющего всё, ниспосланное ему. Выбор Зайцева был не случаен. Ещё в 1916 году Е. А. Колтоновская подметила у Новикова подлинное «чутьё к народной психологии и большую любовь к коренному русскому»[3]. Племянница В. С. Соловьёва писала о нём: «В каждом человеке он находил лучшие его качества и умел расположить его к себе»[4]. Созвучна и реплика В. Г. Лидина: «Я глубоко храню память о человеке необычайной душевной чистоты Иване Алексеевиче Новикове. Я знал его много лет и всегда любовался им – его мягкостью, расположением к людям, желанием помочь каждому… он сердечно сочувствовал людям, понимал их нужды, почти сам страдал, когда рядом страдали другие»[5]. Не

удивительно, что избранный в 1921 году председателем Всероссийского союза писателей (преобразован из Московского профессионального союза писателей) и вскоре эмигрировавший Зайцев писал Новикову: «Дорогой Иван, мы вспоминаем тебя… очень часто и с любовью неизменной. Здесь людей много, но душевно близких очень мало»[6].

Глубоко символично то, что именно Новиков входил в достаточно узкий круг людей, которым выпало решить вопрос о приёме Есенина в Союз писателей. Крестьянский сын и агроном, поэт Новиков, без сомнения, видел в Есенине единомышленника и собрата по перу.

У Союза писателей многие тогда искали защиты и поддержки. Так, из Орла Новикову 5 января 1919 года написал Иосиф Каллиников, пытавшийся спасти свою библиотеку от реквизиции: «Если возможно, то мне хотелось бы стать членом профессионального Союза московских писателей»[7]. Также коллега из провинции интересовался: «Вы говорили, что предполагалось создать кооперативное издательство профессион. Союза московск. писателей. В каком положении в данное время это предположение?»

Вскоре Новиков выслал Каллиникову членский билет союза и охранную грамоту на личную библиотеку.

Писательская деятельность ещё не раз сводила вместе Есенина и Новикова, о чём можно судить по «Летописи жизни и творчества Есенина». Так, например, весной 1920 года группа поэтов-экспрессионистов (Б. Земенков, Г. Сидоров и И. Соколов) обратилась ко всем литературным объединениям, с воззванием о созыве первого Всероссийского конгресса поэтов. Призывая представить на конгрессе все существующие литературные течения (школы), группа так обозначила приблизительный состав официальных группировок: реалисты – Бунин, Новиков, Белоусов[…], имажинисты – Шершеневич, Третьяков, Есенин […].

На 6 декабря 1920 года в Большом зале Московской консерватории был намечен литературный вечер «Россия в грозе и буре», организованный Дворцом искусств. Анонсировались выступления Андрея Белого, Валерия Брюсова, Сергея Есенина, Бориса Пастернака, Ивана Новикова и других поэтов. 3 и 4 февраля 1921 года газета «Правда» извещала о назначенном на 4 февраля в помещении Всероссийского союза писателей (Тверской бульвар, 25) очередном исполнительном собрании: «Программа: чтение стихов поэтами: Ю. Балтрушайтис, Иван Новиков, К. Липскеров, Сергей Есенин, Мариэтта Шагинян, И. Эренбург, Марина Цветаева, Б. Пастернак».

В июне 1922 года имена Есенина и Новикова были включены в «Список писателей для получения дополнительного академического обеспечения» (III разряд), куда относились «лица вполне зрелого яркого дарования с крупным художественным стажем». Список был достаточно краток – всего 10 человек, в том числе Зайцев, В. Вересаев, А. Серафимович.

В анонсах, опубликованных в ноябре 1923 года в журнале «Художественный труд», газетах «Известия ВЦИК» и «Беднота», указывалось, что в помещении Всероссийского союза писателей (Тверской бульвар, 25) 20 ноября состоится торжественное собрание, посвящённое 5-летию Союза поэтов, с участием В. Я. Брюсова, В. В. Маяковского и других поэтов (всего 13 человек, в том числе Есенин и Новиков).

29 ноября 1925 года в Политехническом музее Всероссийский союз поэтов проводил вечер «Поэзия наших дней». На афише значились имена А. Белого, Новикова, Чулкова (символисты), акмеистов, имажинистов, футуристов, неоклассиков, конструктивистов, Есенина («другие группы и вне групп») – всего около 70 поэтов.

Время, когда Есенин трагически ушёл из жизни, совпало с весьма непростым периодом и в биографии Новикова. Стра-

давший от преследований царского правительства вольнодумец Новиков тогда быстро потерял лавры борца за революцию, более того, его, достаточно пессимистично смотревшего на новую жизнь, снова зачислили в стан неблагонадёжных. Революция не могла не привести к творческому кризису и переоценке, писателю нужно было немало времени, чтобы найти новые темы, новых героев. Одной из спасительных соломинок становится детская поэзия. Именно к детям обращается он, наверное, пока не зная, какие слова и сюжеты были бы уместны в разговоре с взрослыми, которые едва остыли от многолетней военно-революционной борьбы. Современный исследователь Т. В. Ковалёва отмечает: «Поэт безоговорочно принимает все простые, естественные проявления жизни. Находит красоту в самых заурядных житейских ситуациях… Когда читаешь стихи Новикова, то создаётся впечатление, что ему нужно было противопоставить наполнившему страну официозу некие истинные ценности»[8]. Удивительно точно Новиков нашёл интонацию уже в первом стихотворении книги «Круглый год» (1924):

Хотелось парнишке
Такую бы книжку,
Как бы сказать
Да пером описать!

Чтобы было про всё про наше –
Про хлеб да про кашу,
Да про луга, про леса,
Да чтобы на все голоса…

И про всё, про всё деревенское,
Про мужское и про женское,
И про нас – про ребят,
И про ягнят, про щенят…

Здесь и зачин родной русской народной сказки, и вечная повседневность, и простор наконец воцарившейся мирной жизни – тот самый простор, который спустя 12 лет так очарует в «Песне о Родине» Василия Лебедева-Кумача («Широка страна моя родная»)… Но, наверное, для могучей песни тогда, в середине 1920-х годов, ещё не настало время. Получившее землю крестьянство не сразу пришло к достатку и изобилию.

Стихи для детей Новикова – весьма точный ответ на подлинный социальный запрос тех первых мирных лет. Людей не трогала пропаганда из радиорепродуктора, они хотели просто строить, сеять, учить в школе детей… И надо было приобщить этих детей к труду, дать им представление о его смысле и значении. Если не суждено им всем стать героями и агрономами, то, во всяком случае, они должны были вырасти более грамотными, чем деды и отцы. Поэтично и востребованно звучит название стихотворения Новикова «Дышат теплом закрома»! А вот строки из стихотворения «Скоро растает»:

Мельницу строить пора…
Ух, загудит над плотиной!..

Детям адресованы сборники Новикова «Полный ковш» (1924), «Детвора на комара» (1926), «Во садочке во саду» (1926), «В лесу» (1928), «Машин огород» (1928) и другие. «Населены» они братьями нашими меньшими: кони, коровы, овцы, курица-наседка, пчёлы… Те же насекомые у Новикова не эскизны, как в баснях Крылова или стихах Корнея Чуковского. Новиков не придумывает достойную фантастического рассказа свадьбу мухи и комара. Он по-крестьянски целомудренно описывает, как родится пчела, как она умирает, а главное, рассказывает ребятам о полной труда жизни пчелы, приносящей неоценимую пользу людям.

Разнообразен и поэтичен созданный Новиковым мир сельского детства: сад и лес, берёзы и берёзовый сок, весенний сев, река и рыбалка, сенокос, ночное… В этих, лишённых городской вычурности, строках так часто слышится родство с поэзией Есенина, Кольцова, Никитина, Некрасова. Эта интонация органична для крестьянского сына Ивана Новикова. Вот его стихи о самом себе:

Детство (Ильково) – шалости, сказки,
Летом сено и в лес по грибы;
Снег зимою, под горку салазки,
Рубка хвороста, дым из трубы…

Поэзия для детей Ивана Новикова – не просто бытописание, не только фиксация простого крестьянского бытия. В ней много учительного, воспитывающего. Более того, по своей основной специальности автор – агроном, он так или иначе стремится передать свои знания молодой смене, показать ей, что, помимо классовой борьбы, есть много других занятий у любого человека. За будничными картинами, если вдуматься, немалый смысл. Официальная пропаганда тогда звала сбрасывать колокола с церквей и жечь иконы, гнать из села попа, ликвидировать кулака… В поэзии Ивана Новикова, по контрасту, мир и покой. Даже столь нелюбимый большевиками сельский (а в то время нэповский) базар он описывает с интересом и восторгом, как будто видит его глазами ребёнка. А ещё он пишет: «От межи до межи всё полно ржи!», словно не догадываясь, что скорое газетные заголовки будут кричать о том, как под плуг пошла последняя межа…

В целом эти стихи для детей и о детях – любовно взращённый Иваном Новиковым райский сад, который помогает «не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома».

Журналистский и просветительский опыт работы в дореволюционном журнале «Вестник Орловского общества сельского хозяйства» помогал ему не сбиться на заунывное повторение, каждый раз открывать новую и новую будничную, но такую полную поэзии и любви, сторону крестьянского бытия. Причём бытия вовсе не архаичного – пишет Новиков и о школе, о приходе в деревню машин («уж зимою поедет Артёмка учиться, с трактором как обходиться»), и о других народах, которые «разводят свои огороды»… Получилась составленная для детей энциклопедия, где нашлось место зверям, насекомым и растениям, поэзии всех видов работ, природным явлениям, временам года: здесь и мороз, и навоз, и дойка, и масса присловий-загадок («Полным ковшом черпаю год», как сказал сам автор).

Характерная особенность детской поэзии Новикова – её простота, отсутствие манерности. Да и как иначе могло быть, если стихи написаны о собственном детстве:

До города двадцать пять вёрст,
Сколько раз мёрз,
Как бывало зимою на розвальнях
С ухаба в ухаб – трах-тарарах!

Незамысловатый интонационный строй этих стихов идёт не только от народной традиции и не от незрелой моды, когда у всех на слуху были агитки Демьяна Бедного. В своё время Новиков отдал дань увлечению модернистским течениям в поэзии, прежде всего символизму. Его простые, казалось бы, вирши для детей при пристальном анализе как нельзя точно укладываются в каноны дореволюционных литературных течений. Так, в поэзии Серебряного века одной из главных форм в лирике, наряду с поэтическим сборником и книгой, был цикл стихов. Это отчётливо видим на примере полутора десятков

циклов детских стихов Новикова. Для символизма характерно метафорическое видение мира и человека, важны символы, разнообразное звучание, стилизация в виде народного творчества. А атрибут модернизма – небрежные рифмы. Всё это присуще поэзии Новикова для детей…

Жизнь и творчество Есенина всегда оставались в поле внимательного интереса Новикова – поэта и литературоведа. Об этом можно судить по личному фонду Новикова в архиве Орловского музея И. С. Тургенева (его особенность – более двух тысяч книг из личной библиотеки). Здесь хранятся, в частности, вырезка из газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» (1923, 16 сент.) с очерком Есенина «Железный Миргород», книги Есенина: «Голубень» (СПб., 1918), «Избранное» (М., 1925), «Стихотворения» (Л., 1953), «Собрание сочинений в 2-х томах» (М., 1955); книги о Есенине: «Гибель Есенина» А. Кручёных (М., 1926) с автографом автора «Ив. А. Новикову [авторская подпись]. 14.II.26 г.», «Есенин о себе и о других» И. Розанова (М., 1926).

В хранящемся в музее Тургенева 2-м томе «Собрания сочинений в 2-х томах» (М., 1955) была исправлена опечатка в стихотворении «Иорданская рать»[9], слева простым карандашом выделены две строфы 2-й части:

Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.

Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, –
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас[10].

В стихотворении «Пантократор» во 2-й части отчёркнута простым карандашом строфа:

В вихре снится сонм умерших,
Молоко дымящий сад,
Вижу, дед мой тянет вершей
Солнце с полдня на закат[11].

В 3-й части стихотворения отчёркнуты все четыре строфы, начиная с

Кружися, кружися, кружися,
Чекань твоих дней серебро![12][…]

В примечании к поэме «Сорокоуст» отчёркнуты две строки: «В книге С. Есенина «Стихи» издательства «Круг» (М.-Л., 1921) автором были удалены две неудобных для печати строки»[13].

Современному читателю Новиков известен прежде всего как прозаик, автор романов, объединённых затем в книгу «Пушкин в изгнании». Но нельзя забывать и того, что он поэт, один из самобытных представителей серебряного века, старший товарищ и нередко спутник Есенина. Архивные коллекции Новикова (множество писем, а также дневниковые записи, записные книжки) ещё ждут исследователей, чтобы открыть малоизвестные страницы русской литературы переломной эпохи, больше узнать о деталях литературной жизни первой половины XX века.

Примечания

[1] И. А. Новиков в кругу писателей-современников: Сб. науч. ст., посвящ. 125-летию со дня рождения И. А. Новикова. Орёл; Мценск, 2003. С. 21.

[2] И. А. Новиков в кругу писателей-современников… С. 164.

[3] Колтоновская Е. А. Возрождение романа // Русская мысль, 1916. № 5. С. 29.

[4] Орловский объединённый государственный литературный музей И. С. Тургенева (далее – ОГЛМТ). Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 10268 ОФ.

[5] ОГЛМТ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 14624 ОФ.

[6] ОГЛМТ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 25821 ОФ.

[7] ОГЛМТ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 21915 НВ.

[8] Ковалёва Т. В. Поэзия И. А. Новикова // Творчество И. А. Новикова в контексте русской литературы XX века: материалы Всероссийской научной конференции к 130-летию со дня рождения И. А. Новикова. Мценск, 2007. С. 52–53.

[9] ОГЛМТ. РК. Ф. 16. Оп.1. Ед. хр. ОФ-29621. С. 31.

[10] Там же. С. 32.

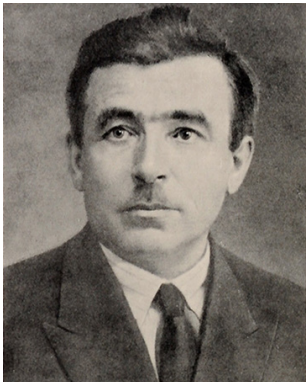
[11] Там же. С. 46.

[12] Там же. С. 46–47.

[13] Там же. С. 221.

«СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМО, КАК ВОЗДУХ, ЕГО ПРИСУТСТВИЕ»

[Иван Вольнов и Сергей Есенин]

Иван Егорович Вольнов

А. М. Горький поставил Сергея Есенина и Ивана Вольнова в один ряд интереснейших, ярко талантливых людей, всё чаще являющихся из слепой и глухой дореволюционной русской деревни[1].

История взаимоотношений близко знавших друг друга Есенина и Вольнова практически не исследована. Пролить свет на некоторые страницы помогают подлинники писем, хранящихся ныне в фондах Орловского объединённого литературного музея И. С. Тургенева, а также ряд опубликованных документов.

Иван Егорович Вольнов (1885–1931) – известный прозаик, уроженец Орловской губернии. Увлечённый революционными идеями, он активно участвовал в подпольной работе, эмигрировал в Италию, на остров Капри, где его приютил Горький. С 1911 по 1917 год Вольнов жил и работал в Италии, при содействии Горького начал печататься в парижской газете «Будущее», позна-

комился с Л. Н. Андреевым, И. А. Буниным, А. С. Новиковым-Прибоем. По совету Горького в 1911–1912 гг. написал «Повесть о днях моей жизни». Публиковал рассказы в «Современнике», «Летописи», «Русском богатстве». После возвращения на родину Вольнов был избран уездным комиссаром Временного правительства в родном Малоархангельском уезде Орловской губернии, а затем членом Учредительного собрания.

Два столь разных писателя, Есенин и Вольнов, были не только выходцами из деревни, выразителями её дум и интересов, но и людьми, что называется, родственных душ. Зарождение их приятельства относится к бурным годам революции и гражданской войны. Они познакомились в Москве в 1918 году и некоторое время жили в одной комнатушке общежития литераторов[2].

Примечательно, что тема деревни стала доминировать в отечественной литературе накануне революции. Есенин был близок эсерам, а Вольнов с младых лет принадлежал к этой партии, за что подвергался множеству репрессий как со стороны самодержавной власти, так и после 1917 года – со стороны большевиков. В судьбах двух писателей были не только революции и войны, обоим удалось побывать за границей и как бы со стороны посмотреть на русскую действительность. Есенин, объездивший Западную Европу и Северную Америку, и Вольнов, побывавший в Италии, Германии, Швейцарии, Англии, заграницы не приняли, заграничные скитания почти не оставили следа в их творчестве. Б. А. Тимофеев, поздравляя Вольнова с возвращением в Россию, писал: «Рад за тебя несказанно, больно уж ты российский человек, нуждающийся хоть в плохом, да все же в своём… Теперь я за твою судьбу как человека и как писателя спокоен. А были минуты, скажу прямо, – начинал я бояться, что заграница испортит тебя. От Екатерины Павловны [Пешковой] слышал, что тебя не забыла деревня. Вот тебе и награда за годы изгнания»[3].

Горький ещё в 1916 году приглашал Есенина и Вольнова к сотрудничеству в созданном им журнале «Летопись». В. Ф. Наседкин в воспоминаниях о Есенине отмечал: «…был близок с Вс. Ивановым, Б. Пильняком, Ил. Вардиным, Л. Леоновым, Ив. Вольновым, М. Герасимовым и некоторыми другими»[4]. Надёжным связующим звеном между Есениным и Вольновым был писатель из крестьян Иван Михайлович Касаткин (1880–1938). Касаткина Есенин очень любил, об этом говорили многие современники. Так, И. В. Евдокимов, рассказывая о последнем дне поэта в Москве, вспоминал есенинскую приязнь к Касаткину:

«– Тебя, кажется, хорошо знает Касаткин? – спросил. – Вот бы кому написать…

– Да, Касаткин, – весь заулыбался он нежнейшим вниманием к этому имени. – Да, да. Люблю его. Ты не знаешь, какой это парень… дядя Ваня… Мы с ним давно-о… давно-о! Давний мой друг!»[5]

В 1921 году Вольнов после драматических странствий в период гражданской войны вернулся в родное село Куракино (Орловской губернии), где им было организовано товарищество по совместной обработке земли. Несмотря на хозяйственные заботы, дружеские связи Вольнова с литературной Москвой не ослабевали. Так, водном их писем 1923 года к Касаткину Вольнов передавал привет: «Увидите Серёжу Есенина, кланяйтесь низко»[6]. Касаткин 26 октября 1923 года сообщал: «Есенин с Клюевым сегодня были у меня, и оба Вам земно кланяются»[7].

Переписка Вольнова и Касаткина этого периода (хранящиеся в архиве музея И. С. Тургенева письма Касаткина имеют вид официальный: на бланках редакции журнала «Красная нива», напечатаны на машинке, однако вполне эмоциональные, к примеру, с таким окончанием: «Жму руку крепчайше!»[8]) от-

ражает попытку создания нового литературного объединения крестьянских писателей. Касаткин писал Вольнову в октябре (точная дата не указана) 1923 года: «…кроме всего, в Москве образовалось объединение Крестьянских Писателей, в кое входят поэты: Есенин, Клюев, Радимов, Орешин, Ширяевец; беллетристы: Вольнов, Чапыгин, Касаткин. Сообщаю об этом по поручению кружка, которому я настаиваю дать наименование «Ватага». Готовьте материал»[9]. К машинописному тексту было сделано примечание автора от руки: «печатать будет Госиздат. Ежемесячно дают 10 листов»[10].

Вольнов отвечал: «Организации кружка Крестьянских Писателей мало сочувствую, но от участия не отказываюсь. Не сочувствую потому, что не понимаю, как можно быть крестьянским, пролетарским, дворянским, поповским писателем, – можно быть только русским писателем, но и это недостаточно (так иной раз кажется)…»[11]

Вероятно, замысел объединения не был реализован и дальше первоначальных планов дело «Ватаги» не продвинулось, так как 26 октября 1923 года Касаткин сообщал Вольнову: «Наше объединение не ладится. Выходит лебедь, щука и рак»[12].

Вольнов писал Горькому в 1925 году: «…здесь, в Москве, в литературных кругах, этот новый деревенский дух так же остр. Нравственно здоровые, крепкие парни с упрямыми глазами. Люблю встречаться с ними. Как-то попросту сходимся. С первой, второй встречи говорят «ты». Как ребята в ночном, Гладков, Леонов, Казин, Волков, Есенин, Клычков, Никандров, Дорохов, Герасимов, Кириллов…»[13].

Перекликаются между собой тематикой и образами поэма «Анна Снегина» Есенина и очерк «Возвращение» Вольнова. Бывали порой и столкновения, порождаемые разными взглядами на современную жизнь, на литературу. «На днях был у Есенина, у него было много человеков. Поскандалили там

с Пильняком, жалел после. Какая-то у меня непримиримость к братии с вывертами, душе претят»[14].

Особая страница в параллелях судьбы и творчества писателей – гибель Есенина. О том, какой была последняя встреча двух друзей, как отозвалось горькое известие в душе Вольнова, можно судить по его переписке с Касаткиным, Е. П. Пешковой, а также по воспоминаниям вдовы – Марии Михайловны Федорюк (Вольновой), матери его четверых детей.

29 декабря 1925 года, узнав о смерти Сергея Есенина, Пешкова написала Вольнову: «Только что прочла в газетах извещение о смерти Есенина. Покончил с собой. Повесился на отдушине в номере гостиницы в Ленинграде.

Прочла и прийти в себя не могу от этой неожиданной смерти. Ужасно жалко его, ужасно жаль, что не оказалось никого около, кто помешал бы ему это сделать.

Такой талантливый парень. Вспомнилось, как Вы рассказывали о своём свидании с ним»[15].

Сохранился конверт этого письма, на нём штемпели почтового отделения железнодорожной станции Змиёвка (31 декабря) и села Куракино (первая цифра не пропечаталась, указан только месяц – 1, т. е. январь 1926 года)[16].

Пешкова имела в виду последнее свидание Вольнова с Есениным в день отъезда Есенина в Ленинград, а Вольнова к себе, в Куракино. 14 января Вольнов ответил Пешковой: «Неделя, как получил Ваше письмо, дорогая Екатерина Павловна, с известием о смерти Есенина, а я никак не могу отделаться от чувства тоски и раздавленности, которые охватили меня. Будто я более других виноват в его смерти, будто я с гнусными псами гнал и загнал его в петлю. Да, именно чувство загнанности было в его опухших глазах, когда я видел его в день его отъезда в Петербург.

Наверное, сейчас в Москве с увлечением устраивают вечера «памяти Есенина», потом будут устраивать литературные и всякие общества «имени Есенина», потом возведут его в «первоклассные» поэты – подлецы разных возрастов и рангов с эстрад будут рассказывать «поклонникам» о своей дружбе с ним, близости интересов, – ах, как много можно вылить блевотины на мёртвого человека! – но никто из этих интимных, близких, нежных не шевельнул пальцем, когда в этом была надобность…»[17]

Пешкова отвечала: «Получила Ваше письмо и очень понимаю Ваши настроения по поводу смерти Есенина. Почти так и есть, как Вы пишете, – вечера, посвящённые его памяти, стихи и статьи в журналах, ему посвящённые…»[18] Письмо датировано 20 января 1926 года, но в конце есть приписка Пешковой: «Сейчас обнаружила у себя в портфеле письмо, которое забыла послать. Бросаю в ящик. 13/II-26. Е.П.»[19]

О последней встрече с поэтом Вольнов написали Касаткину:

«Милый, родной Иван Михайлович! Я только что узнал о смерти Сергея. Я виделся с ним 23-го декабря в день его отъезда в Ленинград. Это было в пивной на Софийке, напротив Госиздата. И он и я забрели туда случайно, в разное время. Он был пьяный, я уговаривал его поехать со мной в деревню. Он меня – в Ленинград. Мы были с ним часа 2–3 в пивной. И, знаешь, он больше всего говорил о тебе, о твоей хорошей искренности, о том, что он душевно привязан к тебе за то, что тебе органически противна поза, ложь, вся та подленькая обыденщина, которая загнала его в петлю.

И вот узнал о смерти. Как-то почти не удивился. Почти почёл это естественным. И одновременно состояние раздавленности, тоска. И весь до мелочи, до гримас, встал наш разговор с ним – последний. И чувствую, что лучшая любовь его в последние его земные дни, быть может, даже в последние ми-

нуты была к тебе. И захотелось написать тебе, именно только тебе, чтобы разделить с тобой скорбь.

У него было состояние замученного. Жму руку твою крепко. Обнимаю.

Ив. Вольнов»[20].

Ответное письмо Касаткина Вольнову из Москвы (16 января 1926 года): «Милый мой братан Иван Егорович! Спасибо, родной, за весточку. Спасибо. Все эти недели я живу как с перешибленным хребтом, так потрясло случившееся. И каждый день, как во сне, мы тут травим и травим свои раны воспоминаниями о Сергее бесконечными. Софья Андреевна, жена его, все время ночует у нас, боясь еще идти на свою квартиру, – и мы проговариваем ночи напролет…

Да, он в мою сторону всегда хорошо думал, это я слышу отовсюду. Но, как-то странно, он был окружаем множеством самых неподходящих людей, и я виню себя, что не так часто бывал вблизи его, и из каких-то деликатных чувств и он кружился в неком отдалении…

Почти накануне отъезда он был с женою у меня в гостях, мы выпили, он мило плясал, помахивая платочком, и на последней своей книжке написал мне: «Другу навеки, учителю дней юных, товарищу в жизни…»

Смерть его огромно всколыхнула тут весь народ. На бесконечные траурные вечера его памяти народ валит в таком количестве, что милиция не справляется: крик, рёв, давка… Через день устраивает вечер Художественный театр, выступят Троцкий и Луначарский. В этом массовом движении публики вокруг гибели Сергея я вижу не только любовь к его поэзии, – нет, тут, мне кажется, невидимо скрещиваются некие шпаги… Да, мы просчитались в Сергее!

Если не скоро приедешь сюда, прошу тебя, дружок, напиши подробней, что и что он говорил в тот день на Софийке?

Постарайся, не поленись изложить приблизительно дословно его высказы и обрисуй состояние. У меня сотни догадок о его конце. И ничего ясного. Тьма! Будь здоров! Обнимаю.

Ив. Касаткин»[21].

19 января 1926 года Касаткин написал С. П. Подъячеву: «Конечно, дела с Сергеем [Есениным] не поправишь. Но я бесконечно любил его. И он меня не меньше. Сейчас я получил письмо от Ив. Вольнова из Орловской губернии. Он в один день с Сергеем уезжал из Москвы, и в этот самый день три часа сидел с ним в пивной, и Сергей беспрерывно говорил только обо мне ему, со всех хороших сторон, и Вольнов думает, что и в последнюю свою смертную минуту он, быть может, думал обо мне. И вот мучает меня мысль, что я должен был, как близкий человек, иметь больше чуткости и быть как-то ближе около него в последние времена… Вот! И тяжело ещё то, что тут, среди братии писательской, ежедень вокруг и около меня топчется немало всякого тяжкого. Орешина Петра, которому будто тоже нет человека ближе, как я, позавчера жена из петли вынула»[22].

Вдова писателя М. М. Вольнова вспоминала: «Иван Егорович был потрясён известием о смерти Есенина. «Я не знал, – говорил он, – поэта более искреннего и более лирического»…Это было в подвальчике, куда привёл меня Иван Егорович уже в 1928 году, чтобы показать место их последней встречи и даже столик, за которым они сидели. Есенин вошёл в меховой шубе и тотчас стал как-то настойчиво упрашивать Ивана Егоровича ехать с ним в Ленинград, говорил, что ему совершенно необходимо, как воздух, его присутствие, что без него он пропадёт, что у него много денег, которые он только что получил, и о расходах заботиться не приходится. Иван Егорович не поехал с ним, но потом, уже после 25 декабря, долго и горячо раскаивался, что не отложил своей поездки до-

мой и не поехал с Есениным. В деревне мы получали газеты и журналы, толстые и тонкие. Вскоре после приезда домой мы прочитали в газете о трагической смерти Есенина. Иван Егорович плакал долго и никак не мог успокоиться…

Стихи П. Орешина, напечатанные в своё время в «Красной ниве» и посвящённые смерти Есенина, заканчивались словами: «Что же ты наделал, раскудрявый мой?» – Иван Егорович читал часто и всегда живо и больно переживал смерть Есенина, плакал, как брат, потерявший любимого брата»[23].

Смерть Есенина надолго, если не навсегда, оставалась незаживающей раной в сознании Вольнова. Можно предположить, что в 1926 году в круг его орловских сотоварищей вошёл Илья Вардин – недавний редактор журналов «Красная печать» и «На посту», активный участник «левой» оппозиции был смещён с высоких должностей и направлен на работу в Орловский губком ВКП(б). Вардина, как известно, связывали с Есениным дружеские отношения. Возможно, если таковые были, во время встреч Вольнову и Вардину было о чём вспомнить и поговорить.

Вольнову не суждено было намного пережить Есенина. 46-летний писатель умер во время сельского застолья 9 января 1931 года. Областная газета ЦЧО «Коммуна» откликнулась на смерть Вольнова лишь неделю спустя. В субботнем номере (17 января) была перепечатана выдержка из некролога «Литературной газеты» и прощальное слово одного из односельчан писателя – колхозника Петра Михорина (по странному совпадению, обе короткие заметки состояли всего из 27 строк). Цитата из «Литературной газеты» завершалась фразой: «В годы революции, в повести «Встреча» Вольнов дал образ революционера, уяснившего предательскую роль эсеров и понимающего, что единственный путь крестьянина-бедняка и середняка – это путь Октябрьской революции». Крестьянское соболезнова-

ние также было полно политической патетики: «Последние годы Ив. Вольнов целиком отдался колхозному строительству. Он умер (от болезни сердца и лёгких) любимым, способным и влиятельным председателем колхоза имени Ив. Вольнова. 13 января мы, члены колхоза, с большой скорбью хоронили Ивана Егоровича. Мы обещаем сплотиться вокруг начатого дела и с успехом завершить сплошную коллективизацию и ликвидацию на этой основе кулачества как класса»[24].

Такое скомканное, явно наспех свёрстанное прощание на страницах главной газеты региона было предзнаменованием последовавшего посмертного забвения Ивана Вольнова – до середины 1950-х гг. его произведения практически не издавались. Схожими оказались судьбы не только крестьянских писателей, но и их творческого наследия.

Примечания

[1] Горький М. Собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 24: Статьи, речи, приветствия: 1907–1928. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. С. 241.

[2] Минокин М. В. Иван Вольнов: очерк жизни и творчества. Тула: Приокское кн. изд., 1966. С. 107.

[3] Орловский объединённый государственный литературный музей И. С. Тургенева (далее – ОГЛМТ). ОФ-5213.

[4] Наседкин В. Ф. Последний год Есенина (Из воспоминаний). М.: Никитинские субботники, 1927. С. 40.

[5] Сергей Александрович Есенин. Воспоминания. М., ГИЗ, 1926. С. 227–228.

[6] Цит. по: Чернышева И. Есенин и Вольнов // Сергей Есенин: Исследования, мемуары, выступления: Юбилейный сборник / Под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. М.: Просвещение, 1967. С. 170.

[7] ОГЛМТ. ОФ-5111.

[8] ОГЛМТ. ОФ-5111.

[9] ОГЛМТ. ОФ-5112.

[10] ОГЛМТ. Там же.

[11] Чернышева И. Указ соч. С. 171.

[12] ОГЛМТ. ОФ-5111.

[13] Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн и Е. Б. Тагер; [вступ. статья Л. И. Тимофеева]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 60.

[14] Чернышева И. Указ соч. С. 173.

[15] ОГЛМТ. ОФ-5065.

[16] ОГЛМТ. ОФ-5065.

[17] Цит. по: Минокин М. Иван Вольнов и Сергей Есенин // Орловская правда. 1993, 24 марта.

[18] ОГЛМТ. ОФ-5060.

[19] ОГЛМТ. ОФ-5060.

[20] Чернышева И. Указ соч. С. 175

[21] ОГЛМТ. ОФ-5114.

[22] РГАЛИ. Ф. 374. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 11.

[23] Цит. по: Минокин М. Иван Вольнов и Сергей Есенин // Орловская правда. 1993, 24 марта.

[24] Ив. Вольнов [некролог] // Коммуна (Воронеж). 1931, 17 янв.

ЗАБЫТОЕ СООБЩЕСТВО РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОЭТОВ (1919)

В конце января 1919 года воронежский литературный журнал «Сирена» опубликовал «Декларацию» Ордена имажинистов. В ней в виде манифеста утверждались основные правила и концепции нового учения, заявляющие о том, что образы занимают ключевое значение в структуре любого художественного произведения, и в искусстве только с помощью образов и их особенной ритмики можно в полной мере выявить жизнь во всех её проявлениях.

Удивительное совпадение – спустя несколько месяцев в соседнем губернском центре Орле, в 1-й типографии губсовнархоза, была напечатана «Декларация российских поэтов-экстрактивистов» (на титульном листе был указан издатель – Центральный комитет российских экстрактивистов, Киев, 1919).

Кто же входил в это совершенно забытое ныне творческое сообщество?

Идейным вдохновителем был, без всякого сомнения, Виончелий Буречарский (его имя значится на обложке брошюры, хотя та содержит ряд материалов также и других авторов). О его личности (настоящая фамилия – Жихович) известно крайне мало. Так, в 1918 году он редактировал газету «Народ-

ное эхо» – литературное приложение к «Известиям Пятигорского Совета», был редактором информационного и фельетонно-беллетристического отдела газеты «Известия Совета народных комиссаров Ставропольской губернии», в Ставрополе вышла его книга «То, что через: новые стихи». В то время Буречарский перебрался в Орёл – уже осенью 1918 года он член редакционной коллегии и активный автор издания Совета депутатов города и городского центрального совета профсоюзов «Еженедельник Орловской Городской Коммуны», журнала «Коммуна». Занимал ряд видных должностей в советской иерархии Орла: сотрудник журнала «Армия революции» – издания штаба Орловского военного округа (1918–1919), редактор газеты того же военного округа «На Красный Юг» (1919), редактор газеты «Красная неделя» (1919), член редакционной коллегии Орловского Союза советских журналистов и губернского совета журналистов (1919). Участвовал в литературно-художественном сборнике «Красное утро» (издание орловского Пролеткульта, 1919). В своей рецензии на этот сборник А. Платонов высоко оценил стихотворение В. Буречарского «Ураган».

Ещё одно «действующее лицо» союза экстрактивистов – Александр Иванович Тиняков (1886–1934), орловский уроженец, поэт. Своими рецензиями стихи Тинякова удостоили В. Брюсов, К. Бальмонт, И. Бунин. Был знаком с В. Ходасевичем, А. Блоком, А. Ремизовым и многими другими прозаиками и поэтами. После революции Тиняков некоторое время снова жил в Орле (1918–1919 гг.), работая в местных газетах.

Соратником Буречарского и Тинякова по поэтическому цеху был также поэт и журналист Евгений Сокол.

Манифест нового литературного течения содержал целый ряд позиций. Процитируем некоторые из них.

«Экстрактивизм, поднявший знамя восстания поэзии, вовсе не имеет своим объектом только поэзию: он предполагает

восстание во всех областях культуры – в науке и в искусстве полностью!

Если мы останавливаемся сейчас преимущественно на поэзии, то это только потому, что нам случайно ближе других эта многострунная часть искусства.

Мы нисколько не сомневаемся, что идея экстрактивизма, выдвинутая самой жизнью и только подмеченная и определённая нами, победит и совершенно уничтожит все другие «течения» и «новые пути» и в музыке, и в живописи, и в постановке театрального дела!

Это предрешено самой природой экстрактивизма.

Главной своей задачей экстрактивизм ставит очищение нового творчества от всякого мусора и хлама, которые благодаря своеобразной системе построения буржуазного общества сгрудились всюду и везде в виде преград на пути к новой жизни, и путём экстрактизации нового творчества выделять и определять всё новые и новые культурные ценности, при помощи свойства красоты быть бесконечно оригинальной при условии движения.

Если лучшим средством борьбы с «законным злом», с хламом и мусором в культурном творчестве является коренной пересмотр всех ценностей в жизни и точное определение нового творчества, то привести в движение оригинальность красоты можно только через наше Сегодня и Завтра, через экстракт сегодняшнего дня – иначе рутина и косность Вчера, утвержденное тысячелетиями, воспользуется ленью человеческой мысли как орудием тормоза и реставрации!»[1]

«До сегодняшнего дня величайшие по своей глубине, размаху и силе картины восстаний – бессмертные картины!, были чрезвычайно подло подменены жалким лепетом дегенеративного ребенка о баррикадных боях и странными, бессмысленными карикатурами! Смелые и гордые моменты борьбы про-

летариата за человеческое освобождение были совершенно замазаны смешной трусостью буржуазной мысли толстым слоем какого-то серовато-розового месива из скверного подражания и «так точно, господин Пролетариат!» Ценности любви, братства, равенства, красоты, отношения женщины к мужчине и, наоборот, брак, семья «православная» вера, щеголяли до сих пор в странно-изящных платьицах, сшитых в будуарах кокоток, кабинетах банкиров, академиях и в алтарях городских соборов! Человеческая мысль, однако, оставалась спокойной, потому что она до сих пор и труслива, и нерешительна, и удивительно склонна к подражанию»[2].

«Временный Центральный Комитет Российских Экстрактивистов поэтов, непоколебимо веря, что человечество может измениться к лучшему только при условии изменения средств производства и изменения распределения материальных благ, и, взяв на себя в тяжкие, грозные дни труднейшую задачу очистить новое творчество от всяких суррогатных, утопических предпосылок, от всякой прогнившей интеллигенщины, Голгофского христианства, сентиментального и бессмысленного народничества, от всякого полупролетарского и полукрестьянского мусора и хлама во имя освобождения несчастного и задыхающегося в несчастьях и боли человечества, и став на путь беспощадной борьбы с губительной анархией в новом творчестве, заявляет:

1. Новая поэзия – это мотивы и настроения сегодняшнего дня, это публичная казнь анархического и лживого вчерашнего, это вечно новые завоевания оригинальности красоты, это вечное её движение, это путь в социалистическую, общечеловеческую культуру через волевые, коллективные и двигательные моменты, это бездонный источник Жизни, очищенной, правдивой, полной любви и добра, это новые образы, новыеглубины мысли!

2. Новая поэзия –это экстракт нового содержания жизни, это Сегодня и Завтра, это презрение к умершему и лживому

Вчера, это экстракт великого боя, экстракт человеческих возможностей.

3. Новая поэзия – это знамя боя пролетарских поэтов, это собирание пролетарских сил, это – артерия улиц, это – плакат, прокламация площади!

4. Новый поэт – это смелая, оригинальная независимая мысль, это сердце диктатуры пролетариата, это рупор класса пролетариев, это – зовущее Завтра, это машинист и кочегар Сегодня, это художественный экран сегодняшнего дня, это символ человеческого освобождения.

5. Новый поэт – это чувство Воли и Правды, это песня человеческого счастья, рождённого коллективом, это сердце пролетарской Революции!

6. Сегодня в поэзии и новая форма, и новое содержание, это значит:

а) старый лозунг: всё в форме, объявляется продуктом больного ума;

б) сегодня нет ни гегемонии форм над сущностью произведения, ни тирании трафарета сущности над идеей формы – то и другое объявляется совершенно свободными и сливается без всякого насилия и конфликтов»[3].

Декларация содержала ряд оценок других литературных направлений и объединений. В частности, таких, как футуризм, модернизм: «Стоячее, прогнившее болото буржуазной, классовой культуры до сих пор считается живительным источником и из него все ещё продолжают пить какие-то в высшей степени подозрительные поэты «сегодняшнего дня»! Мелочи, не играющие никакой роли и не представляющие собой буквально ничего, по-прежнему отвлекают и внимание, и силу, и энергию. До сих пор в творчестве не сумели отграничить главного от второстепенного. Всюду и везде поэтому работники искусства застревают в мусоре, в рутине и косности и, хро-

мая, плетутся в хвосте жизни. Полное бессилие и банкротство старого положения вещей ещё не осознано до конца.

Узость, беспочвенность и лживость настоящих поэтов, из лагеря футуризма, декаданса, модернизма, символизма и т. п. «новых путей» буржуазной ямы, все ещё являются доминирующим фактором в поэтическом творчестве и вследствие этого великое значение поэзии является сведённым ниже нуля – перефразировывается старое, комкается в «новые» формы старое содержание.

Конечно, это излюбленный и старый путь бездарностей результат разложения и упадка Господина – результат банкротства буржуазного класса, однако, это ясно говорит и о том, что до сих пор ложь щеголяла в платье истины! Сегодня это платье должно быть сорвано с фурункулёзного тела лжи!

Сегодня анархия в новом творчестве должна быть изолирована в доме для душевнобольных и в камере для уголовных! Сегодня – боевой парад пролетарских сил в творчестве!»[4]

В помещённой под одной обложкой с декларацией статье Семёна Мельника «Новое течение в искусстве» (в брошюре было указано: «Печатается как дискуссионная») отмечалось: «Всякого ранга модернисты, декаденты, реалисты, символисты, бульварные футуристы, и прочие «исты» – имена их ты Господи веси! – воспевавших всякую гниль, отвратительные уродства и наглую лож, в угоду нравственно падшему и развращённому буржуазному классу из поэзии сделали какого-то трусливого и тупоумного уродца, который смешно и фальшиво кокетничал со всякими «новыми» путями и в общем дальше лакейской не двигался.

Этот ужасный уродец дошёл даже до того, что ложь взвёл до степени истины и видел великое наслаждение в криках неизлечимо больных, в невыразимой боли, в запахе эфира и йодоформа.

Самонадеянный, наглый и безнравственный индивидуализм, украшенный лавровым венком, издевался над страданием и горем «черни» и воспевал в сонетах и романсах правящих мерзавцев и прохвостов»[5].

Назвав футуризм детищем разлагавшегося буржуазного класса, экстрактивисты заявили: «Смелые, огненные мотивы восстаний подменив жалким лепетом, какой-то ничтожной карикатурой баррикадных боёв, футуризм решил, что он действительно «пролетарское начало», но на самом деле – это простой разрушитель от нечего делать или ради рекламы. За всё время своей блудной жизни футуризм ничего не создал ценного в области культуры, но изгадил её порядочно!

Утвердив гегемонию формы над идеей содержания, футуристы на всех перекрёстках закричали о чём-то новом и, спекулируя на невежестве своих читателей, создавали себе «имена»!

Рекламисты и литературные авантюристы по своей натуре, они, видите ли, теперь претендуют на звание вождей в пролетарском творчестве!

Приходится очень и очень удивляться уважаемому т. Луначарскому, что редактируемый им журнал «Пламя» носит какой-то полуфутуристический жупан!»[6]

Столь же критически была оценена в целом работа большевиков по развёртыванию первого этапа культурной революции: «Когда человеческая мысль столкнулась с этим вопросом и вполне определённо осознала, что создание чего-то нового в области культуры – неизбежная необходимость, то она двинулась вперёд по этому направлению, но смелой и оригинальной оставалась, как мы уже сказали, не до конца.

Были созданы пролеткульты.

Намечались пути пролетарского творчества.

Но всё это почему-то оказалось, во-первых, не исчерпывающим и, во-вторых, не жизненным.

Пролеткульт по своей природе предполагает целый ряд нежелательных для развития пролетарской культуры положений и условий, в результате, как мы увидели на опыте, пролеткульт превращался то в интеллигентокульт, то в пустокульт.

Бессистемное намечание путей пролетарского творчества тоже не привело ни к чему – по крайней мере, до сих пор мы не знаем никаких результатов в этом смысле, кроме одной, двух книжек пролетарских стихов, которые совершенно ничего не определили.[…]На пролеткультовских конференциях так много говорилось, так много выносилось разных резолюций, что, в конце концов, о пролетарской культуре заговорил чуть ли не г. Пуришкевич.[…]Демьян Бедный стал рядом с Анной Ахматовой, Керженцев с Нарбутом, этим плакальщиком Круппов и Ротшильдов («Сирена», издание Воронежского Горисполкома). Эм. Верхарна заставили обниматься с Р. Ивневым![…]Пролетарская культура стала великолепной маской для всех тех, кто все ещё имеет в своем сердце идеалы наглого и самонадеянного индивидуализма, прямо отрицательно относящегося ко всяким началам коллективизма»[7].

Весьма критично авторы манифеста оценивали творчество Сергея Есенина и его единомышленников: «трусливый и сотканный из скверного подражания господин Есенин, контрабандно, этак незаметно, бочком и под шумок хотел перешагнуть через клюевские Киты[сборник «Медный кит»] к Кольцову и таким образом оправдать свою трусость и недельность по отношению к пролетарской поэзии, которой он по своему существу стал современно чуждым и не нужным.

Глядя на Клюева, г. Есенин силится притянуть за волоса церковность к революции, не понимая, что одно к другому относится, как нечто диаметрально противоположное.

Вот что сделали все эти псевдопролетарские, псевдонародные поэты из пролетарской поэзии, от которой они также далеки, как Марс от земли!

Эго всё в буквальном смысле – циничная провокация пролетарской культуры и, в частности, пролетарской поэзии!»[8]

В помещённой в той же брошюре, что и декларация, рецензии[9] А.Т. [Тинякова] на книгу Буречарского «Вызов солнцу» (Киев, 1919) говорилось: «хлыстовский эротический мистицизм новых деревенских поэтов Клюева и Есенина, в котором чувствовалась также тёмная струя пресыщения и разложения, – вот чем подарила нас поэзия в последние годы»[10].

Изначально объясняя название основанной им эстетической школы, Буречарский говорил, что производит его «от слова «экстракт» – всё существо полностью, но в таком виде, «в каком оно наиболее является благоприятным»»[11]. Тиняков, подхватывая тезис вожака, рисовал масштабную картину будущего: «Этими словами Буречарский намечает совершенно верный и совершенно новый путь для поэтического творчества. Такие задания свидетельствуют прежде всего о том, что экстрактивизм, как всякое истинновеликое движение в искусстве, является движением синтетическим. От революции экстрактивизм берёт жизненную напряжённость и полноту («всё существо полностью»), – от старого додекадентского искусства, так сказать, от глубин вечного, экстрактивизм заимствует мудрую заповедь о «мере вещей» («всё существо полностью, но в таком виде, в каком оно является наиболее благоприятным). Совершенно ясно, что из слияния этих двух принципов, доселе разъединённых европейской поэзией, должно получиться нечто давно небывалое в области искусства: под влиянием этого мудрого синтеза должна отпасть односторонность, должны умереть все уродливости буржуазно декадентской поэзии, воскреснуть и новым блеском засиять такие вершины поэтического искусства, каких достигали некогда

лишь в Элладе, где мы видим ту гармоническую полноту, о которой говорит экстрактивизм, в бессмертных строфах Софокла, в буйных и вместе с тем красивых стихах Архилоха и некоторых других лириков. Вот к какому свету и возрождению должен привести нашу поэзию экстрактивизм»[12].

Военные обстоятельства сложились весьма неблагоприятно для развития новой поэтической среды: летом 1919 года началось широкомасштабное наступление белогвардейских войск с юга, Орёл оказался под угрозой захвата. В связи с этим из губернского центра эвакуировались различные учреждения и организации. В частности, покинули город Буречарский, Тиняков и Сокол. Орёл был взят с боем 13 октября 1919 года, но уже в ночь на 20 октября, избегая окружения прибывшим под Орёл подкреплением Красной Армии, белогвардейцы были вынуждены оставить город.

И хотя вскоре Сокол вернулся в Орёл, Буречарский и Тиняков отправились куда дальше – в Казань. Здесь они продолжили сотрудничество в большевистской печати. Тиняков подготовил к изданию книги «Пролетарская революция и буржуазная культура» (Казань, 1920) и «Русская литература и революция» (издана в Орле в 1923 году). Буречарский издал в Казани брошюру «Живая газета» (1920). Однако никаких новых манифестов и деклараций экстрактивистов в печати Орла, Киева и Казани уже не появлялось. Не упоминали о них и в центральных изданиях.

В водовороте гражданской войны о движении экстрактивистов просто забыли. Но причиной тому были, конечно, не только чрезвычайные обстоятельства. Свою роль сыграла, очевидно, и аморфность позиций теоретиков нового течения в искусстве. Не случайно Тиняков, будто отвечая на потенциальные упрёки, восклицал: «Экстрактивизм не кабинетная выдумка одинокого литератора, а настоящее, естественно назревшее и необходимое движение […] экстрактивизм есть ис-

тинное возрождение поэзии, есть драгоценный дар, принесённый искусству революцией»[13].

Жёстко критикуя едва ли не всех современников по поэтическому цеху, Буречарский и его соратники, похоже, мало заботились о формулировании и отстаивании, теоретическом подкреплении собственных постулатов. Широкому читателю, литературному активу было крайне трудно понять, в чём заключена особенность экстрактивизма, в каком конкретном направлении он должен развиваться, как может взаимодействовать (или, напротив, противоборствовать) с другими течениями.

Изучение этой забытой страницы истории отечественной литературы (заметим, что экстрактивизм заявил о себе одновременно с футуризмом и имажинизмом) требует продолжения – поиска новых документов, публикаций, различных свидетельств. Плодотворным может быть поиск в киевской периодике тех лет (есть упоминание о том, что для «Киевских известий» в мае 1919 года Буречарский написал статью «В защиту здравого рассудка» как ответ левому эсеру «по поводу ругательной статьи об экстрактивизме»).

Будущая поисковая и исследовательская работа в этом направлении позволит полнее изучить одну из малоизвестных страниц в яркой и противоречивой истории литературного процесса революционной России.

Примечания

[1] Декларация Российских экстрактивистов поэтов. (Авт.: Буречарский В.). – Киев: Центр. ком. Рос. экстрактивистов, 1919. С. 8.

[2] Декларация Российских экстрактивистов поэтов. С. 9–10.

[3] Декларация Российских экстрактивистов поэтов. С. 10–11.

[4] Декларация Российских экстрактивистов поэтов. С. 10.

[5] Мельник С. Новое течение в искусстве // Декларация Российских экстрактивистов поэтов. (Авт.: Буречарский В.). – Киев: Центр. ком. Рос. экстрактивистов, 1919. С. 36.

[6] Мельник С. Новое течение в искусстве. С. 39.

[7] Мельник С. Новое течение в искусстве. С. 37–38.

[8] Мельник С. Новое течение в искусстве. С. 39.

[9] Первоначально рецензия была напечатана под рубрикой «Библиография» в орловском журнале «Свобода, знание и труд» (1919, № 5, с. 91–94).

[10] А. Т. Журнал «Свобода, знание и труд». В. Буречарский. «Вызов солнцу». 2-я книга стихов. Изд «Экстрактивистов». Киев. Стр. 72. Цена 20 р. 1919 г. [рецензия] // Декларация Российских экстрактивистов поэтов. (Авт.: Буречарский В.). Киев: Центр. ком. Рос. экстрактивистов, 1919. С. 42.

[11] Декларация Российских экстрактивистов поэтов. С. 9.

[12] А. Т. Журнал «Свобода, знание и труд». С. 42–43.

[13] А. Т. Журнал «Свобода, знание и труд». С. 45.

НИКОЛАЙ ЗАДОНСКИЙ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ

Николай Алексеевич Задонский

Исторический романист и журналист, автор очерков о людях литературы и театра, Николай Задонский немало повидал на своём веку. Воссоздавая ушедшую эпоху, он всегда стремился наполнить её дыханием жизни и приблизить к современности через точную деталь обстановки, через живое чувство. Пример тому – обретшие форму очерка воспоминания о встрече с Есениным в Москве начала 1920-х годов.

В судьбе Николая Алексеевича Задонского (1900–1974) оказалось немало страниц, связанных с Орловской губернией, с Ельцом. Он родился в воронежском Задонске (настоящая фамилия Коптев), но уже с десяти лет учился в частной гимназии А. Ф. Павловского в Ельце (в ряде документов она именовалась тогда 2-й Елецкой гимназией).

Отец – Алексей Николаевич, удачливый купец и задонский городской голова, хотел приобщить сына к торговому

делу, однако строптивый гимназист Николай ушёл из семьи в 1916 году, найдя приют в Ельце. Здесь он поступил наборщиком в типографию, с 1917 года стал подрабатывать репортёрством в газете «Думский вестник». В мае 1919 года Николай Задонский зарегистрировал в Ельце брак. Судя по воспоминаниям супруги, Николай далеко не всегда имел статуса постоянного сотрудника редакции. Так, она отмечает, что вскоре после свадьбы он получил место воспитателя в местной трудовой колонии: «И всё успевал: учил и воспитывал бывших беспризорников, подрабатывал стихами и заметками, помогал с домашними делами»[1].

Однако известно, что Задонский был, помимо прочего, штатным корреспондентом газеты «Соха и молот». В одной из своих книг он писал: «Как быстро пронеслись те далёкие, полные творческого огня и юношеского задора романтические годы! Одеты мы были все еле-еле, ходили в худой обуви, заплатанных валенках и рваных шинелишках, мёрзли в нетопленных помещениях, и, прежде чем взяться за перо, отогревали пальцы собственным дыханием, жили на полуголодных пайках. А духом никогда не падали. Мы держались революционным энтузиазмом, верой в близкую мировую революцию»[2]

Жила чета Задонских в Ельце на Воронежской улице, в доме Долговых. На всю жизнь запомнилось будущему писателю воскресенье 31 августа 1919 года: «Местная газета напечатал мои первые стихи! До сей поры я довольствовался мелкими заметками и небольшими публицистическими статейками, а тут… стихи! Мне казалось, что они уже совершенно всем известны, всем нравятся и все встречные смотрят на меня с любопытством и почтением. Дома я без конца читал их жене своей Шурочке и дочерям хозяйки, наверное, надоел им до смерти, но они щадили самолюбие молодого автора и воздерживались от критических замечаний. <…> вдруг где-то

загромыхало, а вскоре уже более отчётливо со стороны Аргамачьей слободы раздались два гулких орудийных выстрела…

– Мамонтов пришёл! Казаки! – донёсся с улицы чей-то пронзительный крик»[3].

Оставаться в городе было небезопасно. «В ту же ночь мы, миновав горящий [Ефремовский] вокзал и железнодорожные пути, благополучно вышли перед рассветом к Ольшанцу <…> А два месяца спустя я уже работал в задонской газете «Свободный пахарь»»»[4].

В этой редакции в 1919–1923 гг. Задонский был ответственным секретарём, затем редактором. Здесь же, в Задонске вышли в свет его первые книги. Это были сборники стихов «Стихи сердца. Миги вечерние» (1922, 23 с.) и «Стихи сердца» (1923, 48 с.). С одной стороны, поэзия для Задонского была данью моде, с другой, – попыткой утвердить себя уже не в качестве купеческого сына, а глашатая новой жизни. Поэтому вряд ли он сам понимал, насколько неглубоко и эфемерно его увлечение стихотворной стихией.

К тому же в условиях нэпа (самоокупаемость, самофинансирование и т.д.) у уездной газеты практически не оставалось перспектив, и Задонский всё больше ориентировался на губернский центр. В Воронеже он активно сотрудничал с разными газетами, в частности, с «Красной деревней», где познакомился с Андреем Платоновым, имевшим в Задонске родственные корни. Их дружба продолжалась много лет. Задонский высоко ценил Платонова и открыто писал о нём, как о выдающемся писателе ещё в начале 1930-х гг., например, в мемуарной заметке об истории газеты «Красная деревня»[5].

Быстро набиравший в Воронеже авторитет Задонский возглавил созданный по его инициативе журнал местного коммунистического союза журналистов «Красный луч». Дружил с поэтом и журналистом Борисом Дерптским (наст. фамилия

Хижинский,? – 1923), вместе они издали в Задонске сборник «Синяки под глазами: Поэзы» (1922). По сути, это были обычные пролеткультовские стихи, но Дерптский упрямо именовал себя приверженцем имажинизма.

Ещё 14 апреля 1919 года в воронежской газете «Огни» (№ 8) в статье «Образный образ», полемизируя со статьёй И. Соколова «Имажинисты», напечатанной в том же еженедельнике 7 апреля, Задонский выразил свою поддержку имажинизму с упоминанием поэтов-имажинистов, в том числе и Есенина. Задонский вспоминал: ««Я […] не шутя считал себя поэтом-имажинистом. Воронежские комсожуровцы относились к поэтическим моим опусам доброжелательно, хотя и справедливо упрекали в подражании Сергею Есенину»[6]. В 1922 году Дерптский и Задонский выступили с поэтическим манифестом воронежских имажинистов. Планировались поездки по губернии «с целью ознакомления масс с сущностью нового течения литературы».

Воспоминания Задонского о встречах в Москве с Сергеем Есениным были написаны, по всей видимости, в 1965 году, в канун 70-летия со дня рождения поэта, и первоначально напечатаны в воронежской областной газете «Молодой коммунар» с подзаголовком «Главы из новой книги»[7], затем в авторских сборниках «В потоке жизни» (Воронеж, 1969)[8], «Интересные современники. Любопытная старина» (Воронеж, 1975)[9], в сборнике «О Есенине» (М., 1990)[10], в журнале «Подъём»[11], размещены на ряде сайтов в Интернете.

Задонский рассказывал читателям о том, как в начале осени 1923 года с рекомендательным письмом «от воронежских имажинистов» на имя Вадима Шершеневича отправился в Москву. Примечательно, что Дерптский покончил жизнь самоубийством 23 мая 1923 года, поэтому можно предположить, что

перед Задонским стояла задача непременно установить новые контакты со столичными коллегами.

Увидев в Москве афишу о выступлении Есенина в Большом зале Политехнического музея, Задонский воспользовался запиской, чтобы пройти за кулисы. Он вспоминал: «Контроль меня пропустил, и я оказался в большой, примыкавшей к сцене комнате, где толпилось много всякого люда. Большинство этой свиты составляла молодежь явно богемного вида. Тут находились имажинисты, выступавшие вместе с Есениным, и наиболее близкие ему поклонницы и поклонники, какие-то вылощенные юноши с подведенными глазами, с прилизанными, блестящими от бриллиантина волосами и накрашенные девицы с папиросами в зубах. В комнате было шумно, душно, накурено.

А чуть поодаль в старинном кресле, откинув голову на высокую спинку, полулежал Сергей Есенин. Я никогда не видел его, не сразу узнал по пышным, волнистым, с золотистым оттенком волосам, которые беспорядочно спадали на усталое, мертвенно-бледное лицо с полузакрытыми глазами. Вокруг него хлопотали, кто-то пробовал пульс, кто-то давал нюхать какой-то порошок»[12].

Шершеневич нашёл в зрительном зале место для Задонского. Вот каким было его впечатление:

«Выступление поэта задерживалось. Переполненный зал шумно выражал нетерпение. Наконец на сцену неуверенной походкой вышел Сергей Есенин. Он начал рассказывать о своей заграничной поездке с Айседорой Дункан через Кенигсберг в Берлин, сколько было с ними багажа, как встретили их в Париже. Говорил он скучно, невнятно, бессвязно.

В зале послышались выкрики:

– Оставьте воспоминания, Есенин, не выходит у вас!

– Довольно болтать! Читайте стихи! Стихи!

И вдруг Есенин, махнув рукой, улыбнулся такой простой, подкупающей, чудесной улыбкой:

– Верно, не могу я прозой. Лучше буду читать стихи.

Я не помню, в какой последовательности он их читал, но помню отлично, что я был совершенно заворожен его стихами и мастерским чтением. Время исчезло, я видел лишь Есенина, слышал только его чуть хрипловатый, неповторимый певучий голос:

Всё живое особой метой
Отмечается с ранних пор…»[13]

«Словно живой вставал передо мной в этих стихах предводитель деревенских ребятишек, озорник и забияка Серёжа, и такой огромной жизненной правдой, искренностью были полны эти стихи, так притягательна была их сила, что у меня защемило сердце. А Есенин, понизив голос чуть не до полушепота, заканчивал:

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
«Ничего! Я споткнулся о камень.
Это к завтрему все заживёт».

Стихи взяли за живое, видно, не одного меня. Долго не смолкали в зале аплодисменты. Есенин стоял, опустив голову, потом вздохнул, взметнул золотистыми кудрями и, словно продолжая раздумье над жизнью, начал читать другое:

Не жалею, не зову, не плачу…»[14]

Вспоминал Задонский и о более близкой встрече с Есениным, о разговоре с ним: «Клуб имажинистов «Стойло Пегаса» на Тверской представлял собой довольно тесное помещение с небольшой эстрадой и расписанными декадентской живо-

письею стенами. Я пришёл туда в назначенное время и застал там Есенина в компании Шершеневича, Анатолия Мариенгофа, Петра Орешина и ещё каких-то клубных администраторов. Есенин был в тёмно-сером заграничном костюме и белой шёлковой рубашке с мягким воротничком, выглядел он на этот раз хорошо, только тень усталости лежала на лице и васильковые глаза его казались чуть воспалёнными.

Вся компания пила кофе и вела разговор на сугубо меркантильные темы…»[15]

Задонский, умелый рассказчик, показывает читателю множество запомнившихся деталей богемной жизни тех лет. Не будем останавливаться на них, сразу перейдём непосредственно к встрече:

«Есенин дружески пожал мне руку, улыбнулся:

– Я видел ваш воронежский журнал «Сирена». Его Владимир Нарбут издавал… Занятный журнальчик, только бестолковый!»

Примечательно, что в № 4–5 «Сирены» (1919, янв.) Есенин был указан в числе «принимающих участие» в журнале. Здесь печатались Мариенгоф, Шершеневич, Пастернак, Орешин, Ивнев и др. Очевидно, что прежние контакты москвичей и воронежцев были почвой для продолжения разговора гостя с маститыми столичными поэтами.

«– А у вас в Воронеже сколько имажинистов? – заинтересовался Мариенгоф.

Я ответил.

– Ну-ка, прочитай что-нибудь своё, – неожиданно сказал Есенин.

Предложение заставило меня замяться, я к чтению стихов не приготовился.

– Давай, брат, читай, – вставил Пётр Орешин. – Ты же не красная девица, нечего жеманничать…

Делать было нечего. Я прочитал несколько мелких стихотворений, которые считал лучшими, а также наш «Манифест». Шершеневич, услышав упоминание о себе, звучно расхохотался:

– Нет, это у вас здорово!.. «Наш бог вознесенный – Вадим Шершеневич»! Что скажешь, Серёжа?

Есенин поморщился:

– Озоруют ребята. Что тут хорошего… И не остроумно! А в стихах твоих, – обратился он ко мне, – есть хорошие строчки. Но до настоящего мастерства далеко. Упорно работать нужно. И так стихи писать, чтобы они душу человеческую жгли и выворачивали, никого спокойным не оставляли. Не можешь так писать, лучше не пиши совсем!»[16]

Упомянул Задонский и о стихийном споре Есенина с Мариенгофом по поводу значения имажинизма:

«– Слишком… строгие требования предъявляешь, – сказал Мариенгоф. – Имажинизм – новейшее направление в поэзии, не всем ещё наши теоретические положения достаточно ясны.

Есенин, взглянув на Мариенгофа, вспылил:

– А мне на кой черт эти новейшие направления нужны? Я русский поэт, лирик, и горжусь этим, а не чем иным. Я пишу, как Бог на душу положит, а не притягиваю строки по вашим схемам и теоретическим положениям…»[17]

Оглядываясь с высоты десятилетий на имевшую такое важное значение встречу с Есениным, Задонский откровенно признавался читателям: «С мнением Сергея Есенина я не мог не считаться. И с тех пор стихи писать я перестал»[18].

В последующие годы Задонский был увлечён драматургией. Его перу принадлежат пьеса «Лейтенант Шмидт» (Воронеж, 1925), предисловия к пьесам Н. А. Рыбакова «Обновители» (Задонск, 1923), В. И. Скрябина «Так хочется жить» (Липецк, 1926). С 1928 года он работал в редакции вновь созданной окружной елецкой газеты «Красное знамя».

Иван Торопов, который из редакции газеты «Орловская правда» в августе 1928 года приехал в Елец вместе с новоиспечённым редактором окружной газеты Н. Л. Кошубой, вспоминал, что заведующим отделом культуры и быта редакции был назначен Николай Задонский – весьма опытный и умелый, по сравнению с другими сотрудниками, журналист:

«Секретарём редакции работал Тихон Осипов, крестьянский отдел возглавлял неутомимый труженик Фёдор Шаталов, в штат входили способные литературные сотрудники Д. Болучевский, Е. Горбов, К. Французов[19]. Но Николай Задонский выделялся среди всех нас не только потому, что уже имел десятилетний журналистский стаж. Мы все отдавали должное его культуре и природной одарённости. Он писал фельетоны и очерки – с большим знанием дела, острым, точным языком. Он заражал всех нас в высшей степени активным отношением к жизни, переполнявшим его самого жизнелюбием. Ведь, должно быть, не всё и не всегда было гладко в его личной судьбе. Но я не видел его расстроенным, не слышал из его уст сетований и недовольств. Как раз напротив: восторженно, даже с некоторым преувеличением, – как мы все понимали – от энтузиазма, богатого воображением и умения увидеть в, казалось бы, обыденном черты нового, прогрессивного, он рассказывал о жизненных явлениях и фактах, о людях и их труде. Не могу сказать, что Задонский был «добреньким дядечкой». Пожалуй, он скорее был «ершистым», не стремился к «контактности» и к тому, чтобы «ладить» или «не ладить» с людьми. Когда дело касалось бескультурья, хамства, бездарности, особенно в литературе или журналистике, он становился резок и непримирим»[20].

Заметим, что в те годы резкость и нетерпение могли дорого обойтись даже очень авторитетному человеку (для подтверждения тому можно обратить внимание на страницу мемуаров Е. К. Горбова о весьма пристальном внимании ГПУ

к происходящему в елецкой редакции). Продолжим цитировать воспоминания И. Торопова: «Была у Николая Задонского ещё одна отличительная черта – он умел хорошо разбираться в людях, умел каким-то особым чутьём определить их склонности и способности. Вот почему его рекомендации при подборе новых сотрудников были решающими. Константина Французова, например, он «нашёл»… в уголовном розыске. Этот человек обладал феноменальной физической силой, был до дерзости смелым, хранил в своей памяти массу всевозможных занимательных историй, которые с уморительными подробностями рассказывал нам в часы досуга. Был он к тому же человеком бывалым, красногвардейцем и партизаном, в годы гражданской войны командовал артиллерией на бронепоезде. И журналистом оказался способным»[21].

Газетная работа становилась явно не по мерке широкой натуре Задонского. Уже тогда, в конце 1920-х годов он устремлял свой взор на стезю литературного творчества. Например, найдя интересный сюжет (строительство крестьянами собственной гидроэлектростанции), Задонский решил написать о своём замысле будущей пьесы А. М. Горькому. Приведём полностью текст этого письма:

«11. X. 1928.

Адрес: Елец, ЦЧО.

Редакция газеты «Красное знамя»

Н. А. Задонскому

Многоуважаемый Алексей Максимович!

При настоящем я направляю Вам вырезку своего очерка «О Курапстрое» (напечатан в газете «Красное знамя» – г. Елец) и прошу Вашего совета в следующем: я по профессии драматург, автор многих клубных и сельских пьес, и мне бы очень хотелось дать пьесу о положительных сторонах нашего строи-

тельства. В истории «Курапстроя» – этого удивительного электрокооператива, созданного самим крестьянством, есть много драматических моментов, и я хотел бы взять их для сцены. Но у меня возникает мысль: не будет ли такая пьеса, где апофеоз должен быть, как нигде, бодр и жизнерадостен, принята за известное авторское «подмазывание»? Как лучше сделать эту пьесу, чтоб зритель ей верил? И стоит ли вообще работать над такой темой? Если Вас заинтересует этот «Курапстрой», я буду счастлив прислать Вам фотоснимки о нём, куда напишете…

Вашего ответа я жду с нетерпением. Искренне уважающий Вас

Николай Задонский»[22].

В начале 1929 года в Елец пришёл ответ А. М. Горького:

«1929, января 23. Сорренто

Н. А. Задонскому

Я плохой драматург и не представляю, как можно сделать пьесу по теме Курапстроя. О материале для пьесы судить по вашей газетной заметке невозможно. Но вот что я вам предлагаю: разработайте Вашу заметку в небольшую статью, расскажите подробно историю возникновения Курпастроя и пошлите статью по адресу: Москва, Рождественка, 4, Госиздат, журналу «Наши достижения». Гонорар будет немедленно в целом.

Всего доброго. А. Пешков»[23].

Вскоре очерк Н. Задонского появился на страницах журнала «Наши достижения», началась работа и над пьесой. Начинающий писатель стремился создать вокруг себя среду людей творческих, ищущих свой путь в литературу. Характерно, что идея создания в Ельце литературного кружка пришла в голову не только Задонскому. В архиве сохранились письма студента елецкого рабфака Василия Истомина в Воронеж, которые показывают, с чего начиналось объединение молодых елецких литераторов. В феврале 1929 года Истомин писал: «У нас сейчас

при Центральной библиотеке-читальне работает литгруппа, в которой я секретарём, дела идут вперёд. Состав группы до некоторой степени подходящий. Количество пока 15 человек, некоторые кое-где печатаются в газетах»[24]. Спустя месяц городской активист информировал старших товарищей: «Наша литгруппа «Октябрь» начинает работать. Чувствуется спайка, подобран хороший состав, на некоторых есть надежда, так что литстраницу будем выпускать регулярно своими силами»[25].

С приходом в литературную группу «Октябрь» Николая Задонского она обрела вторую жизнь и стала базироваться в редакции, более того, все были уверены, что собрал её именно заведующий отделом культуры окружной газеты. И. Торопов вспоминал: «Она была создана Задонским вовсе не потому, что все её участники имели литературную одарённость. Николай преследовал цель – привить нам хороший литературный вкус, познакомить с новинками советской литературы, повысить культурный уровень газеты. На собраниях литгруппы мы обсуждали произведения местных авторов, изучали статьи А. В. Луначарского по вопросам искусства и театральной жизни»[26].

«После областного съезда писателей работа литгруппы «Октябрь» заметно оживилась. Евгений Горбов писал о своём беспризорном детстве. На глазах мужал Н. Щербаков-Днепровский. Он проявлял себя хорошим репортёром, и Николай Задонский с радостью убеждал нас, что его ученик станет королём репортажа и превзойдёт его самого. Днепровский писал юмористические рассказы, испытывая явное влияние М. Зощенко»[27].

Переехав из Ельца на короткое время в курский Льгов (на должность собственного корреспондента областной газеты «Коммуна»), Задонский вскоре окончательно вернулся в столицу ЦЧО, в 1935 году перешёл на профессиональное писательское положение. В 1930-е годы вышли его пьесы: «Деньги», «Глухая сторона», «Тайна исповеди», «День рождения», «Лож-

ный стыд», «Инспектор Нестеров» и другие, которые ставились на театральных сценах десятков городов: Воронежа, Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Ульяновска и др. Тогда же была написана инсценировка по «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. Газетная работа, в том числе и в Ельце, позволила Задонскому найти богатый материал для написания пьес.

В 1939 году, имея пятилетний кандидатский стаж, Задонский был принят в члены Союза писателей СССР.

Ещё до начала Великой Отечественной войны обозначился интерес писателя к исторической прозе. Всероссийскую известность ему принесли историко-документальные хроники: «Мазепа» (1940), «Смутная пора» (1954), «Денис Давыдов» (1956), «Донская Либерия» (1959), «Кондратий Булавин» (1959), «Жизнь Муравьева» (1963–1964). Отличительная черта исторических произведений Задонского, многократно переиздававшихся в Воронеже и Москве, – опора на архивные данные, документальные источники. В середине 1960-х годов он признавался: «Я всегда вспоминаю о своей долголетней работе в газетах радостно и благодарно. Газета дала много материалов для моих произведений, постоянно обогащала мой мир, приучала к систематической ежедневной работе»[28].

Умер Николай Алексеевич Задонский 15 июня 1974 года, похоронен в Задонске.

Как видим, встречи с Есениным стали одним из ключевых моментов в судьбе писателя. От юношеского увлечения имажинизмом (а фактически лишь увлечения сложением пролеткультовских строф) Задонский сделал поворот к драматургии, а затем к исторической прозе. Близко принятые к сердцу слова Есенина о высшем значении творчества для писателя, о вдохновении, о ненужности следования догмам и надуманным правилам помогли Задонскому найти свой путь в литературе, вести потом за собой в провинции начинающих коллег. Так даже

в одной писательской биографии ярко отразилось значение Есенина для всей русской литературы.

Примечания

[1] Быть и остаться: Писатель Н. А. Задонский в воспоминаниях и письмах современников. – Воронеж: Центр.-черноземн. кн. изд-во, 1984. – С. 114.

[2] Н. Задонский. Интересные современники. Любопытная старина. – Воронеж: Центр.-черноземн. кн. изд-во, 1975. – С. 22.

[3] Н. Задонский. В потоке жизни. – Воронеж: Центр.-черноземн. кн. изд-во, 1969. – С. 68–69.

[4] Там же. С. 73.

[5] Задонский Н. Предшественники «Колхозного бригадира» (Из воспоминаний журналиста) // Колхозный бригадир (Воронеж). 1934. 6 мая. С. 2.

[6] Задонский Н. А. Сергей Есенин // Задонский Н. А. Интересные современники. Любопытная старина: Исторические и литературные этюды. – Воронеж: Центр.-черноземн. кн. изд-во, 1975. – С. 34.

[7] Задонский Н. Встречи с Есениным // Молодой коммунар (Воронеж). 1966. 25 мая.

[8] Задонский Н. А. Сергей Есенин // Задонский Н. А. В потоке жизни: Литературные этюды. – Воронеж: Центр.-чернозёмн. кн. изд-во, 1969. – С. 79–88.

[9] Задонский Н. А. Сергей Есенин // Задонский Н. А. Интересные современники. Любопытная старина: Исторические и литературные этюды. – Воронеж: Центр.-чернозёмн. кн. изд-во, 1975. –С. 34–39.

[10] О Есенине: Антология / сост. С. П. Кошечкин. – М.: Правда, 1990. – С. 418–423.

[11] Подъём. 2004. № 6. С. 217–225.

[12] Задонский Н. А. Сергей Есенин… С. 35.

[13] Задонский Н. А. Сергей Есенин… С. 36.

[14] Задонский Н. А. Сергей Есенин… С. 36–37.

[15] Задонский Н. А. Сергей Есенин… С. 37.

[16] Задонский Н. А. Сергей Есенин… С. 38.

[17] Задонский Н. А. Сергей Есенин… С. 38.

[18] Задонский Н. А. Сергей Есенин… С. 39.

[19] Добавим, что отдел партийной жизни в «Красном знамени» вскоре возглавил Лев Райскин. Осипов через несколько месяцев вернётся в «Орловскую правду», Кошуба, Шаталов, Райскин спустя несколько лет станут сотрудниками областной газеты «Коммуна» в Воронеже.

[20] И. Торопов. В те молодые годы // Быть и остаться: Писатель Н. А. Задонский в воспоминаниях и письмах современников. – Воронеж: Центр.-черноземн. кн. изд-во, 1984. – С. 25–26.

[21] Там же. – С. 26–27.

[22] Цит. по: «Быть и остаться…» С. 125.

[23] Там же.

[24] Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3819/2.

[25] Там же. ОФ-3819/3.

[26] И. Торопов. Указ соч. С. 28.

[27] И. Торопов. Указ соч. С. 29.

[28] Цит. по: «Быть и остаться…» С. 6.

ЗЕМЛЯК И РОВЕСНИК ЕСЕНИНА

[Владимир Егин]

Владимир Никифорович Егин

За 13 лет ему довелось быть редактором газет в Рязани и в Орле, заместителем редактора в Воронеже и Курске, стоять у истоков создания писательской организации Центрально-Черноземной области. Его называли лучшим журналистом, он многое успел, но ещё больше мог бы сделать в последующие годы. Увы, теперь его имя не значится ни в справочниках, ни в энциклопедиях…

Владимир Никифорович Егин родился в октябре 1895 года в рязанском городе Скопине[1]. Отец его был учителем начальной школы, дед – столяром (сам Егин в анкетной графе «социальное происхождение» гордо писал: сын народного учителя). В 1918 году окончил историко-филологический факультет Московского университета (специальность – история), в декабре того же года принят в «сочувствующие» коммунистической партии (т.е. начался кандидатский стаж), в октябре 1919 года (самый пик гражданской войны, когда деникинцы наступали

на Москву, когда ими были заняты Орёл и Воронеж) – Егин вступил в РКП(б).

В армии не служил (плохое зрение), после окончания университета – инструктор и заведующий внешкольным подотделом уездного отдела народного образования в городе Сапожке (Рязанская губерния), заведующий политпросветом и одновременно преподаватель политграмоты и обществоведения в школах 2-й ступени и техникумах. С сентября 1920 года – заведующий агитационно-пропагандистским отделом уездного комитета РКП(б) в Сапожке. С ноября 1923 года – заведующий подотделом печати в Рязанском губкоме РКП(б) (до 1925 года), одновременно был редактором ряда изданий в Рязани (ежемесячный журнал «Коммунист», крестьянская газета «Наша деревня») и сотрудником губернской газеты «Рабочий клич» (с 1924 года заведующий отделом, затем секретарь, с 1926 года – редактор).

Примечательная страница в биографии Егина – есенинская. Вполне возможно, что эти два рязанских одногодка с созвучными фамилиями были знакомы. Газета «Рабочий клич» постоянно публиковала материалы на есенинскую тему: Самоубийство Сергея Есенина (1925, 30 дек.); К смерти Сергея Есенина: Вскрытие тела (1925, 31 дек.); Памяти Сергея Есенина (1926, 1 янв.); Б. Кисин. Сергей Есенин (1926, 3 янв.); Памяти Есенина (1926, 9 янв.); Л. Брянский. Грусть рязанцев (1926, 13 янв.); М. Анисимов М. Памяти Есенина (1926, 17 янв.); В. Ряховский. О Сергее Есенине, великих людях и константиновской учительнице (1926,26 февр.); Вечер памяти Сергея Есенина (1926, 16 апр.); Памяти Сергея Есенина (1926, 22 апр.), Музей С. А. Есенина (1926, 29 мая); Памяти Сергея Есенина (1926, 5 июня), В. Ушаков. На родине Сергея Есенина (1926, 12 июня); Памяти Сергея Есенина (1926, 17 июля) – всего около 30 (!) публикаций. Были также публикации, посвящённые Есенину, в двух выпусках литературно-художественного сбор-

ника «Шаги», который редактировал В. Н. Егин (Рязань, 1926): Вельский Е. Судьба (памяти С. Есенина) // № 1 (сент.). – С. 6 (стихотворение, посвящённое С. А. Есенину); Фатов Н. Н. Рязанские поэты. Пётр Шамов // № 2 (окт.). – С. 14–16 (оценка творчества и судьбы С. А. Есенина (с. 14)).

В июле 1928 года Егин уехал в столицу ЦЧО Воронеж. В областной «Коммуне» за пять месяцев перебывал едва ли не на всех возможных должностях: заведующий массовым отделом, заведующий издательским сектором, зав. отделом информации, зав. сельскохозяйственным сектором, зав. сектором политинформации. В ноябре его назначили заместителем редактора газеты.

В пожелтевших подшивках газет (Рязань, Воронеж, Курск, Орёл…) сохранились тысячи очерков, статей, рецензий и заметок Егина, их в большинстве случаев он подписывал прозрачным псевдонимом «Вега» (т. е. В. Егин). Были в том числе и публикации с орловскими адресами. Так, в феврале 1929 года Егин рассказал читателям о трагедии в селе Залегощь Верховского района (собственно Залегощенский район был образован только в январе 1935 года). Кулак Харыбин убил своего 19-летнего глухонемого батрака Полякова. Жизнь оказалась куда страшнее, чем даже такой трагический рассказ, как тургеневский «Муму». Егин тогда писал: «Попадись Харыбин на глаза большому писателю, мы имели бы историю русского кулака, написанную художником, настолько он полнокровен, закончен, типичен, этот кулак от первой до последней своей черты»[2].

В партийных списках значится, что в 1929 году Владимир Никифорович жил в Воронеже на улице 25 октября, дом № 14, у него имелись браунинг (удостоверение на право ношения оружия № 2181) и 15 патронов к пистолету[3]. На собрании в редакции 12 октября 1929 года Егин говорил: «Рабочие не знают, что такое кулак, буржуй и т. д. Это говорит за слабость нашей

партийной работы. Есть случаи, когда комсомольцы говорят, что бедный крестьянин продаёт хлеб на корню, чтобы получить хлебную карточку. А вот случай, когда старый рабочий говорит, что у нас новые буржуи, которые раскатывают на автомобиле»[4].

В сентябре 1928 года Егин выступил на партийном собрании с докладом об итогах VI конгресса Коминтерна[5], в 1931 году закончил трёхмесячные курсы в Коммунистическом институте журналистики. С того же времени заведовал в первичной парторганизации культурно-пропагандистской работой[6]. На партсобрании в редакции «Коммуны» в сентябре 1932 года Егин выступил с докладом об итогах XII пленума исполкома Коминтерна[7]. Постоянно вёл семинары и политзанятия для рабочих типографии, был заводилой культпоходов и творческих вечеров. Помимо работы в «Коммуне», Егин находил время и для участия в становлении писательского союза Черноземья – в частности, входил в оргкомитет Союза советских писателей ЦЧО. Ныне в библиографических справочниках и региональных энциклопедиях твёрдо закреплён тезис о том, что бессменным редактором журнала «Подъём» был Максим Подобедов, возглавлявший Ассоциацию пролетарских писателей ЦЧО с момента её основания. На самом деле это не так: чтобы убедиться в малоизвестном факте, достаточно пролистать подшивку журнала. Итак, берём «Подъём» за 1932 год: первые два номера подписал М. Подобедов, а уже сдвоенный (№ 3–4) – временно исполняющий должность ответственного редактора Л. Плоткин. Причиной смены кадра на капитанском мостике журнала стало постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (апрель 1932 г.). В соответствии с указующим партдокументом Подобедов в одночасье лишился своей руководящей должности в РАПП – сама ассоциация была попросту

распущена. А уже следующий номер «Подъёма» (№ 5) подписал в качестве редактора Владимир Егин (без всяких приставок «врид»), Л. Плоткин значился его заместителем. Также Егиным подписан и следующий номер журнала (сдвоенный № 6–7), в дальнейшем «Подъём» вообще выходил без указания редактора, просто в конце номера под мелким заголовком «Редакция» помещался список из девяти человек (Егин был бессменным членом редколлегии журнала).

Его публикации в «Подъёме» (писал литературоведческие и критические статьи, а вот на поприще прозы и поэзии не стремился), на мой взгляд, были объединены одной целью: как можно быстрее вырастить новое поколение писателей. Егин всячески поддерживал подававшую надежду творческую молодёжь Центрального Черноземья. Гимном новой эпохе стал обзор итогов развития культуры и литературы ЦЧО, приуроченный к пятилетию образования области, «Пятилетка чудесного превращения»: «От вырождения и вымирания – к социализму. Таков маршрут ЦЧО. Таков её путь, изведанный миллионами людей. Разбит, но ещё не уничтожен совсем последний эксплуататорский класс в деревне. Не преодолена «страшная сила» дедовских суеверий, привычек, мелкособственнических навыков. Трудностей немало. Впереди – ещё колоссальная большевистская работа. Но главное – путь пройден. Путь миллионами проверен…

Чудесное превращение ЦЧО – тема всемирно-исторического значения. Помещики, монастыри и святители довели Черноземье до вырождения. Возрождение принёс Черноземью пролетариат, вооружённый пятилетним планом, державший руль на генеральную линию партии…

В день пятилетия области перед советскими писателями Черноземья встаёт задача показать в художественных образах, достойных нашей эпохи, историю удивительного превраще-

ния ЦЧО, героев и ударников её социалистической перестройки. Эта тема должна стать ведущей в литературном движении ЦЧО во второй пятилетке» [8].

В числе публикаций Егина в «Подъёме» литературный портрет «Борис Песков» (1933, № 1–2), заметки о творчестве Л. Завадовского «От золотой лихорадки к великой драге» (1933, № 7), рецензия на альманах «Писатели ЦЧО» (1934, № 2), «Заметки о языке газет» (1934, № 6).

С выделением из состава ЦЧО 13 июня 1934 года Курской области и мобилизацией части воронежских журналистов на укрепление ставшей областной газетой «Курской правды» Егин отправился на работу в соседний областной центр. В Курск он уехал уже через две недели после сообщения о новом статусе этого города. Поначалу и здесь занял давно знакомую должность – заместитель ответственного редактора областной газеты.

И вновь, как когда-то в «Коммуне», окунулся в редакционные будни. На заседании парткома «Курской правды» 27 сентября 1934 года было принято любопытное решение: «т. Егину. Отмечая исключительную перегрузку т. Егина по производству и различным общественным нагрузкам, рекомендовать т. Егину разгрузить себя, чтобы больше оставалось времени для работы над собой. Рекомендовать т. Егину быть более требовательным к работникам редакции» [9].

Бывали времена, когда он исполнял обязанности «главного» в редакции «Курской правды», осенью 1935 года был и.о. ответственного редактора газеты «Орловская правда» (Орёл тогда входил в состав Курской области). Из обкома вновь сыпались обвинения в политической неблагонадёжности, но коллеги с уважением относились к Егину – в редакции ему всегда находилось место. К примеру, в августе 1936 года он занимал должность заведующего отделом культуры и искусства «Кур-

ской правды», по его инициативе была проведена областная олимпиада самодеятельного искусства[10].

Продолжил Егин и начатое в Воронеже дело создания писательской организации. 4 января 1935 года «Курская правда» опубликовала его отчёт со слёта молодых авторов Курской области «Как и о чём писать». Судя по отчёту, в слёте участвовал Фёдор Панфёров – встречали его овацией. В выступлении перед начинающими авторами редактор «Курской правды» Владимир Князев заявил: «Газета [«Курская правда»] взяла на себя почин в собирании молодых литературных сил области… Тяга к писательству огромна. Необходимо создать литературный центр области, который бы мог бережно выращивать всё талантливое».

Слёт избрал областной оргкомитет Союза писателей «в составе т.т. Князева (председатель), Михаила Киреева (член Союза Советских Писателей, вышедший из литературной организации Орла), Буняева, Егина и Астанина (Орёл)» [11].

Оргкомитету удалось издать в сентябре 1935 года достаточно содержательный литературно-художественный сборник «Утро» (издательство «Курская правда»). В его редколлегию вошли А. Астанин, В. Буняев, В. Егин, М. Киреев, В. Князев (ответственный редактор). Второй выпуск альманаха «Утро» вышел в Курске в 1936 году. Состав редколлегии – В. Егин (председатель), М. Киреев, Г. Питерский.

«Утро» № 2, пожалуй, последняя веха в творческой биографии Владимира Никифоровича Егина. В марте 1937 года парторганизация «Курской правды» его исключила из рядов ВКП(б)[12], а уже в апреле его имя вспоминали в редакции не иначе, как с приставкой «правый уклонист» [13]. Тогда же, в апреле, Егина исключил из партии и Ленинский райком ВКП(б) города Курска «за протаскивание правооппортунистической статьи в газете «Коммуна», контрреволюционной статьи Каменева в «Курской правде», выдавая её за статью т. Ленина, за грубей-

шие ошибки, допущенные в период проверки партийных документов» [14].

22 июля 1937 года «Курская правда» вышла с передовой статьей «На большевистские рельсы», разоблачавшей «гнилое руководство» газеты и её бывшего редактора Александра Власова: «Власов окружил себя врагами народа, которых всячески поддерживал. Правого реставратора Егина, заведовавшего одним из отделов редакции, он афишировал как лучшего журналиста, требуя учиться у этого бухаринского последыша. Весьма характерным является то обстоятельство, что когда парторганизация разоблачила Егина и единодушно решила исключить его из рядов партии, Власов выступил против решения, защищал этого врага» [15].

Вторили курянам и воронежцы. В самом первом выпуске альманаха «Литературный Воронеж» (он пришёл на смену журналу «Подъём») Егина обливали грязью: ««Столпом литературной критики» являлся некто Егин – бухаринский последыш, которому безраздельно был доверен при Швере отдел культуры и искусства в газете «Коммуна». Эстетская, формалистская трактовка вопросов литературы и театра тесно переплетались у него с перевальскими взглядами. Своими «литературно-критическими» упражнениями он принёс немалый вред молодым авторам».

О дальнейшей судьбе Владимира Никифоровича долгое время ничего не было известно. На мой запрос архив управления ФСБ по Курской области ответил, что не располагает сведениями о репрессиях в отношении В. Н. Егина.

Но однажды после публикации моего очерка об этом человеке в «Курской правде» кто-то из читателей поместил комментарий на сайте газеты. Оказалось, что тогда, в 1937-м, Егин буквально сбежал из Курска и нашёл убежище в дальнем районе родной Рязанщины – преподавал словесность в сель-

скохозяйственном техникуме, сеял разумное доброе, вечное в душах крестьянских парней и девчат. Известны, например, датированные 1946 годом письма В.Н. и А. Ф. Егиных к писателю В. Д. Ряховскому[16] – тому самому, который в 1926 году напечатал в «Рабочем кличе» статью «О Сергее Есенине, великих людях и константиновской учительнице» и несколько рецензий, касавшихся творчества С. А. Есенина, а в 1930-е годы периодически публиковался в Воронеже.

Примечания

[1] Биографические сведения приведены по личному делу В. Н. Егина: Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 9. Д. 616.

[2] Вега. Убийство кулаком Харыбиным своего батрака // Коммуна (Воронеж), 1929, 19 февр.

[3] Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 241. Оп. 1. Д. 26. Л.24.

[4] ГАОПИВО Ф. 241. Оп. 1. Д. 17. Л. 34.

[5] ГАОПИВО Ф. 241. Оп. 1. Д. 17. Л. 122.

[6] ГАОПИВО Ф. 241. Оп. 1. Д. 33. Л. 95.

[7] ГАОПИВО Ф. 241. Оп. 1. Д. 42. Л. 52.

[8] Подъём. – 1933. – № 4–5. – С. 15.

[9] ГАОПИКО Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2. Д. 9.

[10] ГАОПИКО Ф. П-1. Оп. 1. Д. 5. Л. 46.

[11] Курская правда, 1935, 4 янв.

[12] ГАОПИКО Ф. П-1371. Оп. 1. Д. 9. Л. 49 об.

[13] ГАОПИКО Ф. П-1371. Оп. 1. Д. 11. Л. 39.

[14] ГАОПИКО. Архивная выписка № 137 от 15.05.2007 г. из протокола № 64 заседания бюро Ленинского райкома ВКП(б) г. Курска от 13 апреля 1937 г.

[15] Эта цитата приведена в книге Н. С. Ферапонтова «Страницы и лица: «Курская правда» 1917–2002» (Курск, 2002). В ряду других сотрудников редакции 1930-х годов в этом сборнике несколько раз названа фамилия В. Н. Егина.

[16] РГАЛИ. Ф. 422. Оп. 2. Ед. хр. 145.

«БЫЛ В СТИХАХ ДЛЯ МНОГИХ КАПИТАНОМ...»

[Серафим Чекулаев и его стихи о Есенине]

Серафим Иванович Чекулаев

Сто лет назад «Орловская правда» откликнулась на смерть Есенина довольно скупо. В номере за 6 января 1926 года в «подвале» третьей страницы появился блёклый отклик за подписью «Читатель» – «Чужой и близкий» с подзаголовком «Заметки читателя о связи Есенина с деревней». Неизвестный нам автор начал с сожаления: «Неожиданно и трагично умер Сергей Есенин, талантливейший поэт современности. Раскрывая очередную книжку «Красной нови», мы уже не будем искать его нежных, волнующих стихов, которым так настойчиво, хотя и не всегда сознательно, подражала литературная молодёжь».

Упрекнув Есенина в незнании деревни («слово «плуг» встречается чуть ли не один раз», «как ни родна и любима для него деревня, но она стала ему далёкой и чужой»), укрывшийся за псевдонимом автор вернулся к первоначальной мысли:

«Со смертью Есенина наша литература потеряла даровитейшего поэта, стихи которого не скоро выветрятся из памяти его многочисленных читателей».

Здесь же было опубликовано прощальное стихотворение:

Был в стихах для многих капитаном,
Принеся задор издалека…
Так зачем же с кучей шарлатанов
Ты сгубил отвагу в кабаках?

Приоткрыл бы, друг, чадру хмельную,
Опрокинув омут кабаков, –
Ты узрел бы родину иную
И иную юность стариков.

Рожь, как встарь, шумит лебяжьей шеей,
Не коснувшись порванной струны…
Сохраню до седины в душе я
Гробовую боль моей страны.

Ах, напрасно к копаной постели
Торопился тело донести!
Там – в гробах – не свищут свиристели
И пастух весной не засвистит.

Приоткрыл бы, друг, чадру хмельную,
Опрокинув омут кабаков, –
Ты узрел бы родину иную
И иную юность стариков.

Стихотворение подписано – С. Чекулаев. Кто был тот орловский поэт, отозвавшийся на смерть Есенина? Вопрос,

казалось бы, простой, но никакого ответа на него много лет не было. Более того, ныне и газеты с той публикацией в Орле нет – ни в областной библиотеке, ни в госархиве области. Не сохранилась не только подшивка. Была утрачена память о человеке… Так, в апреле 1964 года один из соратников Чекулаева по поэтическому цеху, Николай Столяров, писал в ответ на запрос краеведов: «Чекулаев жил где-то в районе, кажется, Болховском, колхоз «Борьба»»[1].

И вот медленно, по крупицам, словно разматывая забытый клубок старых ниток, удалось более или менее полно восстановить страницы биографии и творчества того незаурядного стихотворца из орловской глубинки.

В воскресных номерах «Орловской правды», в литературных страницах «Правды молодёжи» середины 1920-х годов публиковалось множество очерков, стихов и рассказов Михаила Киреева, Николая Басова, Николая Бормотова, Сергея Орловского, в числе авторов были также Александр Хорьков, Иван Харитонов, Береговой, Андрей Лунин, А. Целинов, Михаил Щёлоков, Валерий Харин, Серафим Чекулаев, Виктор Хохлачёв, Алексей Афанасьев. Много лет спустя Киреев писал орловским музейщикам: «Если бы нашёлся усидчивый, любознательный человек и перелистал орловские газеты – «Орловскую правду», «Правду молодёжи», «Нашу деревню» и «Красный галстук» за период с 1924 по 1930 год, он открыл бы много интересного в литературном процессе тех лет»[2].

А ещё Киреев вспоминал: «Тогда начал быстро расти Серафим Чекулаев, крестьянский сын из села Верхняя Любовша»[3]. Вторил ему и приехавший с Урала в Орёл руководитель пролетарских писателей Иван Искра: «Он смело взбирался тогда на Парнас»[4].

Как свидетельствуют архивные документы, Серафим Иванович Чекулаев родился в крестьянской семье в ливенском селе Верхняя Любовша в 1906 году[5].

В журнале «Новый путь» (первый и единственный номер вышел в 1925 году) лидер орловского литературного молоднякa Михаил Киреев, рассказывая о собраниях творческой группы «Ярь», отмечал: «Из беллетристов выступали… Чекулаев С. – «Удаль черноземия»»[6]. По всей видимости, в название, пожалуй, первого прозаического произведения юного автора здесь вкралась коварная опечатка – надо бы писать «чернозёмная». Доказательством тому помещённая на этой же странице рубрика «Почтовый ящик» с единственной информацией: «С. Чекулаю – отрывок «Покос» из повести «Удаль чернозёмная» пойдёт в следующем №». Однако следующий номер в свет так и не вышел, соответственно, не дошёл до наших дней и образец прозы Чекулаева. Его мы знаем только как поэта и репортёра. Прислушаемся к его негромкому голосу (стихотворение «Плодородие»):

Сегодня –
Август на дворе,
Добротная теплынь.
Спешит
Красавец-огурец
На именины
Дынь.

А яблони
Дымят вином
И дремлют.
Как волна.
И катится
Ко мне
В окно
Антоновкой
Луна.

Я чувствую,
И познаю
Прекрасные слова:
– Сады
Беременность свою
Хранят
Едва-едва…
Я чувствую,
Как где-то здесь,
Совсем недалеко
Колышется
В своём гнезде
Кавказский
Абрикос.
И предо мною
На парад
Выходят в лунный час
Новороссийский
Виноград
И знойный
Ананас.

Азербайджании хлопок
Туманами встаёт
И ширится
Над ним Восток
И пухнет
Небосвод..

В моей квартире
Тишина,
И тихо на парах.

В моей квартире
Вся страна
Выходит
На парад.
Слетает в окна
Лунный свет –
Павлиние хвосты.
Во мне
Колышется букет
Торжественной мечты.

Пойду
Пройдусь по мостовой.
По зарослям
Пройдусь.
Я молодостью
И страной
Без гордости
Горжусь.

Сегодня –
Август на дворе.
Добротная теплынь.
Спешит
Красавец-огурец
На именины
Дынь.

В середине 1920-х годов Чекулаев был уже ответственным секретарём губернской пионерской газеты «Красный галстук». Нет нужды вести долгий рассказ об этой газете, заметим только, что деятельность орловского «Красного галстука» с поло-

жительной стороны была отмечена А. В. Луначарским и заведующим отделом печати ЦК РКП(б) И. М. Варейкисом[7].

Эта оценка, можно предположить, поспособствовала Чекулаеву в переезде в Москву. Он печатался в столичной периодике (прежде всего в «Комсомольской правде», где его поддерживал Иосиф Уткин), учился на Высших государственных литературных курсах Московского управления профтехобразования. Это был вуз с 4-годичным сроком обучения – преемник Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова. Если институт существовал в 1921–1925 гг., то курсы – в 1925–1929 гг.

Вот строки из письма Чекулаева товарищу по литературной работе в Орёл: «Да, брат, сознаюсь, живу скверно. Перебиваюсь, как говорят, с хлеба на квас в надеждах на будущее. Печатаюсь… увы и ах! – зато много пишу, много работаю. Сначала хочу стать литературно-грамотным субъектом, потом уже – если Господь-Бог дарует мне такое счастье! – объектом для наблюдения в литературных салонах и кафе. Стипендия 25 [рублей], живу на 40. Значит, 15 где-то надо добывать, нахальством или вежливостью – не всё ли равно. Когда хочется жрать, нахальство – это самая достойная вежливость… для самого себя. Да… совсем было забыл! В члены вашей ассоциации [пролетарских писателей] запишусь с удовольствием»[8]. А вот выдержка из другого письма: «Зачёты отбивают от всего. Некогда ни писать, ни думать, ни скучать, ни печалиться. Жду гонорара как избавления. Постарайся, дружище! Век буду благодарствовать»[9].

Иван Искра рисовал грандиозные планы, увлекавшие орловских литераторов. Серафим Чекулаев в 1928 году посвятил ему такие стихи:

Ты в житейском нашем мире
Для писателей – награда:

Ты добудешь им квартиры,
Ты накормишь виноградом,
Ты поддержишь в нашем мире
Поэтическую радость[10].

Стихи Серафима Чекулаева вошли в первый выпуск литературного альманаха Ассоциации пролетарских писателей ЦЧО «Звено» (Воронеж, 1930). В этом же альманахе Л. Плоткин в обзорной статье «Заметки о литературе Черноземья» писал: «У С. Чекулаева есть любовь к слову и стремление свежо глядеть на вещи…»

Спустя годы, Чекулаев, потрудившийся в газетах «Гудок» и «Лесная промышленность», много поездивший по северу, вернулся в родную Любовшу. Территория современной Орловской области тогда входила в состав Курской области, и потому любовшенский селькор много писал в «Курскую правду» (вместе с работавшим теперь в штате этой газеты Александром Целиновым они были мастерами критики). Приведу краткую библиографию тех публикаций Чекулаева: «Эшелоны с хлебом» (стихи, 1935, 28 сент., с. 3), «На самолёте» (1935, 9 окт., с. 4), «Лекции о художественной литературе для партактива» (1936, 31 дек., с. 3), «Литературные вечера в совхозах» (1937, 17 июля, с. 3), «Нарушители сталинского устава и их покровители» (1937, 21 июля, с. 3), «Краснозоренские либералы» (1937, 22 июля, с. 4), «До конца ликвидировать последствия вредительства» (о Любовшенском спирткомбинате, 1937, 3 авг., с. 3), «К севу» (1937, 8 авг., с. 4), «Издевательства над колхозницами» (1937, 12 авг., с. 2), «Школы не подготовили» (1937, 26 авг., с. 3) и другие.

Вот одна из этих публикаций – стихотворение «Эшелоны с хлебом» (на нём адресная пометка – «станция Красная Заря»):

Мимо озера, вдоль столбов
Ветер мечется неустанно.
В гулком ропоте проводов
Пробуждается полустанок.
Рельсы тянутся, как ручьи,
Чуть поблескивая с откоса.
Солнце розовые лучи
Рассыпает по гроздьям проса.
Вдоль по насыпи, на лугу
Вереницей бегут вагоны.
Сталь о сталь, чугун о чугун
Надрываются дробным звоном.
Бег стремителен, – и мазут
Бьёт с разбега прохожим в лица.
Это – с Курска в Москву везут
Эшелон яровой пшеницы.
Быстро катятся поезда.
Элеваторы разгружая, –
И пестрит полевая даль,
Возвещая об урожае.
Счастье жить мне в краю родном,
Видеть озеро, видеть небо.
Эшелоны грузить зерном,
Полнить родину нашу хлебом.

На страницах «Курской правды» регулярно появлялись стихи и проза бывших «яровцев» (этому содействовал Михаил Киреев, входивший в состав оргкомитета будущей писательской организации в Курске). В сентябре 1935 года этому оргкомитету удалось выпустить достаточно содержательный литературно-художественный сборник «Утро» (издательство «Курская правда»). В его редколлегию вошли А. Астанин,

В. Буняев, В. Егин, М. Киреев, В. Князев (ответственный редактор). Здесь были напечатаны несколько стихотворений Серафима Чекулаева.

В том же, 1935-м, году в Курске вышла в свет книга стихов Чекулаева «Родина». Это был весьма скромный сборник малого формата (тираж 1 тысяча экз.) с посвящением бывшему соратнику по «Яри»: «Другу Михаилу Кирееву».

Наверное, нет смысла цитировать большинство стихотворений (может, со временем, уже в XXI веке, когда-нибудь выйдет авторский сборник Серафима Чекулаева?). Просто предлагаю читателям две лирические зарисовки, передающий общий дух творчества поэта. Итак, стихотворение «В родном селе»:

В родную синь,
В родную даль,
В любимые родные были
Меня сегодня
Поезда
Забрать с собою
Не забыли.
Был силен ветер,
Но сильней
Стальных коней
Стальная хватка.
И вот –
От гулких площадей
Причалил в буйные посадки.
Давно ль здесь был?
И ветер был
Тогда так гонок,
Как сегодня,
Но ставят нынче

Здесь столбы,
Железо проводов проводят.
Впервые…
Знать, понятен стал
Стране родной
Потёмок омут.
Ложится за верстой верста.
И огоньки –
Всё ближе к дому…
Ой, милые!
Восторга крик
Несу я с песней над полями.
Сегодня мы –
Богатыри,
Сегодня будущее –
С нами!

В стихотворении «Родители», как, впрочем, и во многих других, явно ощутимы краски есенинской поэзии:

Приезжаю я домой не часто,
И всегда
Так радостно со мной
Разделить
Хоть маленькое счастье
Старикам семьи моей
Родной.
Я один у них, –
Их боль и радость, –
И судьба их старости –
Во мне.
Терпеливо ждут они награды

На своей
Дремотной стороне.
Не приди я к ним –
Они не спросят,
Только неспокойно, как беда,
Отзовутся
В ветреную осень
На сердце
Полынь и лебеда.
Будут ждать
И будут сухо плакать.
Никому не скажут в тишине.
Лишь моя
Любимая собака
Будет им
Как память обо мне.
Возвращаюсь я домой не часто,
Но всегда
Так радостно со мной
Разделить
Хоть маленькое счастье
Старикам
Семьи моей родной.

Орловский писатель (и, кстати, землячка Чекулаева) Ольга Аристарина подмечала: «В контексте литературной эпохи лирика Серафима Чекулаева отличается вовсе не высоким патриотическим пафосом, а, скорее, тонкой гражданственностью, искренней любовью к Родине. Лирический герой ощущает себя гражданином большой страны, частью мира растущего, устремлённого вперёд – к высшей благородной цели. Отсюда в самом его отношении к жизни прослеживается уверенность

в своих трудовых силах, радость от совместных свершений. Но при этом высокое «общее» дело не заменяет «частные» лирические раздумья, простые и самые важные человеческие чувства. В святой любви к Родине – любовь к родителям, к природе, красоте. Оттого она ещё больше и жарче».

«Родина» (кстати, первая и единственная книга в творческой биографии поэта) давно стала библиофильской редкостью – нет её ни в Курске, ни в Воронеже, ни в Орле. Отыскать удалось только в фондах Российской национальной библиотеки. Редактором малютки, как значится в выходных сведениях, выступил сотрудник Курского издательства Л. Л. Айзенберг. По архивным сведениям, он был расстрелян в 1938 году.

Такая же участь ждала и Чекулаева, но и в военные и в послевоенные годы никто точно не знал, что же с ним произошло и когда именно. По словам Киреева, Серафим Иванович во время войны пропал без вести. Глава «Яри» даже в 1960-е годы всегда вспоминал о нём с особым теплом: «Это был человек одарённый, ищущий, своеобразный, влюблённый в художественное слово, чистый сердцем».

Когда началась война, Чекулаев работал в райцентре Хомутово в редакции газеты. 2 ноября 1941 года он был мобилизован военкоматом и отправлен на линию Елец – Валуйки на железнодорожную станцию Набережная (522 километра от Москвы) в рабочую железнодорожную команду народного ополчения.

Чекулаев дезертировал и 20 ноября пришёл домой (в это время его село уже было занято немцами). Когда началось контрнаступление, 16 декабря Любовшу освободила Красная Армия. Но Чекулаев скрывался ещё четыре дня. Его арестовали, следствие вёл особый отдел 1-й ордена Ленина гвардейской стрелковой дивизии. Приговор был вынесен 8 января 1942 года – высшая мера. На следующий день Серафима Чекулаева расстреляли.

В августе 2003 года по решению военной прокуратуры Московского военного округа Чекулаев был реабилитирован…

Прежде, чем поставить последнюю точку в этом очерке о поэте, отозвавшемся в орловской газете на смерть Есенина, я вновь задумываюсь: а надо ли было бередить прошлое, искать страницы былого, проливать свет на то, что давно и прочно скрыто за завесой времени? Наверное, всё-таки надо. Недаром Андрей Платонов сказал когда-то устами одного из героев рассказа «Старый механик»: «А без меня народ неполный!». Так и без Серафима Чекулаева литературная история Орловщины не будет полной.

Примечания

[1] ОГЛМТ. ОФ-3813.

[2] ОГЛМТ. Ф.28. ОФ-4583.

[3] ОГЛМТ. Ф.28. ОФ-4583.

[4] ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-1561. Л. 2.

[5] Архивная справка Управления ФСБ России по Орловской области № 10/3571 от 16.08.2022 г.

[6] Киреев М. Орловская литературная группа «Ярь» // Новый путь (Орёл). 1925. С. 24.

[7] Годовой отчет [за 1925 год] редакции газеты «Красный галстук» // ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1788. Лл. 9–10.

[8] ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3821/1.

[9] ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3821/3.

[10] ОГЛМТ. Ф. 38. ОФ-3821/2.

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ В ОРЛЕ

Памятник Сергею Есенину в г. Орле

До начала 1960-х гг. даже краеведам в Орле есенинская тема была незнакома. Первооткрывателем её стала Антонина Васильевна Гольцова, работавшая в краеведческом музее. Однажды она случайно познакомилась с одной из близких родственниц Зинаиды Райх, которая поведала семейные предания сорокалетней давности. «Есенин в Орле» – так называлась первая публикация в областной газете «Орловский комсомолец» 9 февраля 1964 года. Гольцова писала: «Дом, где жили Райх и где бывал Сергей Есенин, до сих пор стоит в Орле (ул. Комсомольская, 62[1]). Сохранился и флигель в саду (в нём ныне – детские ясли № 5). В этом флигеле провели свои ранние годы дети Сергея и Зинаиды Есениных. Старшая дочь

Татьяна Сергеевна (ныне писательница, автор романа[2] «Женя – чудо XX века») родилась в Орле в 1918 году. Константин Сергеевич (ныне инженер-строитель в Москве) родился в Москве. Женитьба Есенина на Зинаиде Райх – не ошибка. Во все периоды своей последующей жизни он никогда не забывает о ней, относится с любовью и уважением». Позднее Гольцова вспоминала: «В послесловии от редакции говорилось о том, что хорошо бы установить на доме, в котором бывал поэт, мемориальную доску. Была составлена историческая справка на дом для управления культуры, но дело тогда не сдвинулось с места, чувствовалось незримое сопротивление самой идее увековечения имени Есенина в Орле. Отказ мотивировали тем, что Есенин – не наш земляк, а для создания музея нет коллекции»[3].

29 июля 1972 года в газете «Орловская правде» была напечатана статья краеведа А. Н. Устинских «О памятниках и памятных местах», в которой дома, где, в частности, жили Марко Вовчок, Зинаида Райх, где бывал Сергей Есенин, были названы «мнимыми памятниками». В публикации принижалась роль А. П. Керн и З. Н. Райх в жизни поэтов, говорилось о том, что большинство мемориальных домов «затрапезного вида», и их предлагалось снести. Эта статья послужила сигналом к уничтожению ряда старинных зданий. В защиту памятных мест резко выступил известный краевед В. М. Катанов, но его заступничество не спасло памятники от разрушения: в одночасье, под покровом темноты дом Райх был снесён.

Возрождение интереса к есенинской теме в Орле конца 1980-х гг. было связано уже не только с именами Гольцовой и Катанова, но и Георгия Александровича Агаркова. С молодых лет он, ещё будучи студентом технического вуза в Ленинграде, заинтересовался тем, что связано с Есениным, упросил направить его в 1966 году на преддипломную практику в Рязань. В селе Константиново накануне был открыт музей, в Ря-

зани – памятник; большими тиражами вышли сборники стихов, появилось много воспоминаний, публикаций, открыток, значков, эстампов. Тогда Агарков и заболел собирательством. И среди первых экспонатов его пока ещё скромной коллекции появился автограф Александры Есениной, младшей сестры поэта. В 1988 году орловский инженер Агарков поехал в Ташкент знакомиться с Татьяной Сергеевной Есениной, основателем городского музея Есенина. Дочь поэта с теплом вспоминала об Орле, подарила свою книгу с автографом. Но на приглашение посетить Орёл ответила отказом: из писем Гольцовой знала, что её наследный дом, в котором можно было открыть музей, снесли.

В марте 1988 года в Орле при областном краеведческом музее было создано краеведческое общество. Гольцова вспоминала: «На первых заседаниях общества был принят план работы, на октябрь мною была заявлена тема «Есенин в Орле». Ко дню рождения поэта открылась одноимённая выставка»[4]. А вот отрывок из воспоминаний Агаркова: «Я выступил в краеведческом обществе с сообщением о поездке в Ташкент и предложил создать орловский Есенинский комитет, начать подготовку к 100-летию поэта. В комитет вошли В. М. Катанов, В. П. Дронников, А. В. Гольцова, В. А. Ливцов, В. В. Титова, В. А. Власов, А. И. Овчинников, Н. Н. Арсентьева и другие»[5]. Произошло это 3 октября 1988 года: «Василий Михайлович [Катанов – председатель Орловского краеведческого общества] предложил избрать председателем [Есенинского комитета] инженера, любителя поэзии Есенина Георгия Александровича Агаркова. Мы, члены общества, до этого не знали Агаркова, но выбор оказался удачным. Агарков был молод, напорист, контактен, лёгок на подъём, знал и прекрасно читал стихи Есенина»[6]. Одним из пунктов в плане работы комитета была установка памятного знака на месте бывшей

усадьбы – были собраны архивные материалы, составлена обширная историческая справка. Члены комитета активно пропагандировали творчество Есенина организовывали выставки, вечера, встречи. В расположенной рядом с бывшей усадьбой средней школе № 23 был создан Есенинский клуб, а затем и музей поэта. Появились многочисленные публикации в прессе.

Мощная общественная поддержка привела к тому, что в 1990–1991 гг. были приняты решения местных органов власти об увековечении в Орле памяти Есенина. Началась подготовка к открытию на месте усадьбы орловских родственников поэта памятного знака Есенину и мемориальной доски на месте бывшего дома. Делу увековечения памяти любимого поэта России помогали многие в Орле, это была настоящая народная стройка. Сталепрокатный завод выделил мраморные плиты, обработкой которых занимались мастера-каменотёсы из Орловского реставрационного управления. Работы по благоустройству и освещению безвозмездно проводились коллективами «Орёлкоммунстроя», «Зелентреста», горэлектросети, горкомхоза, завода «Химмаш» и других предприятий. Большой личный вклад внесли мэр города А. Г. Кисляков, глава Заводского района Н. И. Ничипоров, начальник реставрационного управления А. П. Юдин, директор краеведческого музея В. В. Титова. Авторы памятного знака – скульптор Николай Извеков (он изготовил бронзовый барельеф Есенина) и инженер-конструктор Наталья Скотникова. Проект планировки Есенинского сквера подготовила архитектор Светлана Обухова. В оформлении участвовал также архитектор Алексей Мамченко.

В конце сентября 1991 года в Орле прошли XIII Всесоюзные Есенинские чтения «И Орёл был в его судьбе (Есенин и современники)». На них приехали около 150 почитателей

великого поэта из 48 городов страны, разных её регионов – Прибалтики, Севера, Дальнего Востока, Кавказа, Украины, Центральной России.

Есенинские чтения открылись 27 сентября в конференц-зале администрации города Орла. Орловцы представили сообщения с местной тематикой: Катанов – «Сергей Есенин и писатели-орловцы», Арсентьева – «Сергей Есенин и Иван Бунин», Гольцова – «Сергей Есенин и Зинаида Райх». В фойе была развёрнута выставка книг из собраний Катанова, Гольцовой, Агаркова, а также документов о семье Есенина из фондов областного краеведческого музея и Государственного архива Орловской области. Первый день конференции завершился концертом в театре юного зрителя. На следующий день состоялось открытие памятного знака Сергею Есенину и Зинаиде Райх. 3 октября в зале Орловского филиала Российской академии управления прошёл большой вечер-концерт.

По ходатайству Есенинского комитета в сентябре 1992 года мэр города Кисляков подписал постановление о передаче дома № 1 по улице 2-й Посадской для создания в нём музея Есенина. Однако на протяжении нескольких последующих лет жильцы дома не были переселены, дом капитально не ремонтировался.

Рядом значимых событий в Орле было отмечено столетие со дня рождения Есенина. Документальная повесть Гольцовой «Сергей Есенин и Зинаида Райх» печаталась с продолжением в областной газете «Орловская правда», а затем вышла отдельным изданием[7]. Катанов прочитал по областному радио и опубликовал в газете «Просторы России» поэму «Сергей Есенин». Областная организация Союза писателей России подготовила специальный выпуск «свободной литературной газеты» «Вешние воды» с посвящением на первой странице: «Величайшему русскому национальному поэту,

классику мировой литературы Сергею Александровичу Есенину – 100 лет». В издании были помещены стихи Есенина, воспоминания, стихи о нём, литературоведческие исследования.

По решению городских властей часть улицы Правый берег реки Орлик на участке от 2-й Пушкарной улицы до Тургеневского моста 19 сентября 1995 года была переименована в набережную Есенина. В краеведческом музее была открыта выставка «Жизнь моя, иль ты приснилась мне», в городе организована серия лекций, творческих встреч, книжных выставок юбилейной тематики. Орловский государственный педагогический университет совместно с областным отделением Российского творческого Союза работников культуры провёл Есенинские чтения «В мире Есенина» (подготовке конференции много сил отдала доктор филологических наук, профессор университета Арсентьева).

Парадоксально, но такое обилие юбилейных событий вызвало и негативную реакцию. В № 6 журнала «Молодая гвардия» за 1996 год вышел очерк орловского писателя П. И. Родичева ««Узиновление» Есенина в Орле», а спустя некоторое время он выпустил очерк (в авторской, расширенной редакции) отдельной книгой – ««Узиновление» Есенина»[8]. Публицистические заметки были переполнены антисемитизмом и вульгарно-пренебрежительным отношением к деятельности современных орловских энтузиастов. Так, в аннотации указывалось:

«В новой публицистической работе писателя Петра Родичева впервые ставятся под сомнение – серьёзность увлечения Сергея Есенина Зинаидой Райх, совместимость их натур, а также обывательские фантазии орловских краеведов вокруг эпизодических контактов между поэтом и канцеляристкой до её брака с Мейерхольдом. Поводом для всплеска новых

фальсификаций стал вековой юбилей С. А. Есенина. Наиболее неуважительно проявилось это в издании А. В. Гольцовой брошюры, в которой, помимо оттеснения его на второй план (по сравнению с Райх и её близкими, включая Мейерхольда), великий русский лирик фамильярно и нелепо объявлен «орловским зятем», тогда как в Орле он не рождался, не венчался и не жил, впрочем, как и главная героиня краеведки, только гостившая здесь, неважно, что иногда – подолгу. Установкой бездарного есенинского «памятного знака» и мемориальной доски с очень спорным по содержанию текстом на бывшем подворье В. И. Данцигер так называемый «орловский Есенинский комитет» окончательно уронил себя в глазах земляков. Автор очерка призывает всех, кому дорог Есенин, активно противостоять опошлению его имени, наподобие допущенному в нашем городе»[9]. Под огонь уничижительной критики попали некие «ремесленники от орловского краеведения с их необъяснимо-приторным и заведомо тупиковым умилением перед ухватистой одесситкой – смуглокожей, темноволосой и вишнеглазой, – определённо чужеродной в укромном очаровании живого русского пейзажа и непритязательности избяного интерьера»[10].

По странному совпадению (можно высказать предположение, что в обоих случаях подобная «критика» инспирировалась кругами не только консервативного толка, но и теми, что был заинтересован в «освоении» престижной территории на центральной улице города), как и после публикации 1972 года, за словесной атакой последовало разрушительное наступление в прямом смысле слова. Вот как об этой ситуации рассказано в книге «Знакомый вам Сергей Есенин»: «Лишь случайно члены Есенинского комитета узнали, что по неведомым для них планам развития города памятный есенинский знак подлежит сносу, а усадьба – застройке многоэтажными жилы-

ми домами. Это случилось в 1999 году, когда Россия отмечала 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина… В ноябре появился забор, закрывший усадьбу, памятный знак. В декабре с мраморной стелы снят барельеф Есенина, на усадьбу пригнали бульдозеры. Члены Есенинского комитета часто собирались, говорили-спорили, писали письма, вырабатывали тактику поведения и реагирования на случившееся»[11]. Орловская пресса откликнулась рядом гневных публикаций[12].

Не отменяя своего решения, властные структуры пошли на компромисс – было решено на противоположной стороне Комсомольской улицы установить памятник Есенину. Место было выбрано весьма удачно: центральная магистраль города, сопряжённая здесь с Университетской площадью, рядом – новый учебный корпус вуза и памятник А. С. Пушкину. Автором выступил скульптор Виктор Басарев, открытие памятника состоялось в октябре 2001 года, на это событие откликнулись все орловские газеты[13].

С помощью спонсоров председатель Орловского Есенинского комитета, сопредседатель международного Есенинского общества «Радуница» Агарков купил в новостройке по улице Комсомольской, 62 однокомнатную квартиру на втором этаже и устроил в ней частный музей Сергея Есенина (первоначально планировавшееся под музей здание к этому времени было снесено).

Экспозиция музея представлена на трёх стендах и одиннадцати витринах, по которым можно проследить весь жизненный и творческий путь поэта. Книжная Есениниана насчитывает здесь около 700 экземпляров, среди которых семь прижизненных. Имеются 25 есенинских сборников, изданных за границей на иностранных языках. В хронологической последовательности представлены все книги о Есенине, есть множество книг есениноведов с автографами, прижизненные

издания современников Есенина: П. В. Орешина, В. В. Маяковского, А. А. Жарова, Д. Бедного, А. Е. Кручёных, И. В. Грузинова. В собрании музея письма Шаганэ к орловскому учителю Н. А. Алхимову и письма сестры Есенина Александры и дочери Татьяны, адресованные В. А. Туинову. В экспозиции можно увидеть автографы близких родственников, посмертную маску Есенина из гипса. Заканчивается экскурсия по музею у стенда «Гори звезда моя, не падай», где помещены фотографии с есенинских чтений в Орле, Харькове, Рязани, Липецке, афиши разных лет.

Открытие музея (ныне его экспозиция передана в состав «Есенин-центра» в Рязани) было приурочено к 110-й годовщине со дня рождения поэта. Тогда же была открыта большая выставка в краеведческом музее, установлена мемориальная доска на новом доме № 62 по Комсомольской улице, переиздана в расширенном и дополненном виде монография Гольцовой. Орловская пресса широко информировала читателей об этих событиях[14]. Резонанс был настолько чувствителен, что к великому удивлению энтузиастов обнаружилось: снесённый дом Райх избежал уничтожения. Создатель музея Георгий Агарков рассказал об этом так: «В 2005 году появилось неожиданное и приятное известие: оказывается, исчезнувший есенинский дом цел. Мне рассказали, что в одной организации главным бухгалтером работает женщина, которая в молодые годы жила в воссозданном есенинском доме. Я пришёл к ней на работу, и мы договорились в ближайшую субботу встретиться в этом доме, который стоит ныне в селе Горки Хотынецкого района. С волнением я переступил порог здания, в котором проживал великий русский поэт и родные ему люди. Здесь всё сохранилось как при старых хозяевах: кафельная печь, паркетные полы и многое другое. Перевезённый из Орла в хотынецкую деревню, он практически не из-

менился»[15]. Выяснилось, что дом был продан в Орле с условием снести максимально быстро и в ночное время («чтобы краеведы шум не подняли»). Реально ли ныне возвращение мемориального дома в Орёл? Обсуждение и решение вопроса о том, как это может произойти, где найдётся место для дома, – дело, наверное, будущего.

За минувшие полвека имя Есенина прочно вошло в богатейшую литературную историю Орла. По традиции, проводятся литературные вечера и есенинские чтения в городских библиотеках, устраиваются книжные выставки. Был велик интерес прессы к музею Есенина[16]. Регулярно пополняется орловская Есениниана: помимо уже упомянутых двух монографий Гольцовой, есенинская тема широко представлена и в других её, более поздних книгах[17]. За последние годы в Орле изданы песенный сборник Г. А. Агаркова[18], научная монография С. А. Бубнова[19], энциклопедический словарь А. М. Бельского[20], поэтический сборник на русском и таджикском языках[21].

Символически звучат слова краеведа Антонины Гольцовой, которая первой подняла неизвестную прежде в Орле тему. Она с гордостью писала о том, что за минувшие годы Есенин «стал ближе и роднее орловцам. Памятник, улица, музеи, конференции, концерты, издания! Наверное, есть какой-то высший смысл в том, что село Константиново, в котором родился и жил Есенин, и русский город Орёл расположены на одной реке; серебристая гладь, краски и звуки красавицы Оки питали дивную поэзию Есенина, которая навсегда нам близка и понятна. Город Орёл, взрастивший на своих «мелких водах» много знаменитых прозаиков и поэтов, естественно включил в ореол славы литературного города и имя знаменитого певца «страны берёзового ситца»»[22].

Примечания

[1] Нумерация зданий на улице за несколько десятилетий незначительно изменилась.

[2] В самой книге (Ташкент, 1962) жанр был определён как «юмористическая повесть».

[3] Гольцова А. В. Знакомый вам Сергей Есенин. Орёл: Орлик, 2005. С. 69–70.

[4] Там же. С. 71.

[5] Агарков Г. Стал самым близким и любимым // Вешние воды (Орёл). 1995, № 45.

[6] Гольцова А. В. Знакомый вам Сергей Есенин. Орёл: Орлик, 2005. С. 71.

[7] Гольцова А. В. Сергей Есенин и Зинаида Райх (Орловские страницы биографии поэта). Орёл: Вешние воды, 1995. 86 с.

[8] Родичев П. И. «Узиновление» Есенина. Орёл, 1999. 49 с.

[9] Там же. С. 2.

[10] Там же. С. 13

[11] Гольцова А. В. Знакомый вам Сергей Есенин. Орёл: Орлик, 2005. С. 72–73.

[12] Гольцова А. «Обречённый на гонение» // Просторы России (Орёл). 2000, 28 янв.; Бородина Е. Быть или не быть Есенину в Орле? // Орловский вестник. 2000, 10 февр.

[13] Бюст поэта // Орловская правда. 2001, 12 сент.; Карнаухова Л. Певец берёзовых просторов // Просторы России (Орёл). 2001, 3 окт.; Гольцова А. «Знакомый вам Сергей Есенин» // Орловская правда. 2001, 5 окт.; Пушкин встретил Есенина // Поколение (Орёл). 2001, 23 окт.; Тимошенко О. Памятник Есенину на Университетской площади // Орловская правда. 2001, 23 окт.; Самарина И. «Есенин – Божия слеза, что редко падает на землю…» // Орловский вестник. 2001, 25 окт.

[14] Гольцова А. Адрес музея: Комсомольская, 62 // Орловская правда. 2004, 1 дек.; Сазонова А. «Есенин – Божия слеза, что редко падает на землю» // Орловская правда. 2005, 7 окт.; Андреев К. Страсти по Есенину // Поколение (Орёл). 2005, 8 окт.; Сазонова А. «Эту жизнь за всё благодарю» // Орловская правда. 2005, 12 окт.

[15] Агарков Г. Дом Есениных, оказывается, не исчез // Красная строка (Орёл). 2001, 22 июля.

[16] Новошинская В. На этом месте стоял дом… // Орловская городская газета. 2013, 25 окт.; Сазонова А. Знакомый наш Сергей Есенин // Орловская правда. 2016, 20 июля.

[17] Гольцова А. «Созданы друг для друга…» // Гольцова А. Орёл и орловцы. Орёл: Труд, 2008. С. 109–124; Гольцова А. Сергей Есенин в

Орле // Гольцова А. Покажите свой город: Избранная публицистика. Орёл: ПФ «Картуш», 2016. С. 207–228.

[18] Агарков Г. Песни на стихи Сергея Есенина. Орёл: Издатель Светлана Зенина, 2004. 31 с.

[19] Бубнов С. А. Поэзия С. А. Есенина в восприятии литературной критики 1915–1925 годов. Орёл: ПФ «Картуш», 2005. 160 с.

[20] Бельский А. М. Есенина орловский образ: энциклопедический словарь. Орёл: ПФ «Картуш», 2016. 235 с.

[21] Есенин С. А. Поэтический букет: сб. стихов: пер. на тадж. яз.; пер. Л. Шерали. Орёл: Орлик; Душанбе: Лит. фонд Садриддина Айни, 2017. 207 с.

[22] Гольцова А. В. Знакомый вам Сергей Есенин. Орёл: Орлик, 2005. С. 104.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю 5
Евгений Сокол 9
Орёл в биографии Зинаиды Райх 26
«Жизнь неукротимая» [Предыстория знакомства
Сергея Есенина с Сергеем Городецким] 44
Сергей Есенин и Иван Новиков 56
«Совершенно необходимо, как воздух, его присутствие»
[Иван Вольнов и Сергей Есенин] 70
Забытое сообщество революционных поэтов (1919) 81
Николай Задонский и его воспоминания о Сергее Есенине 93
Земляк и ровесник Есенина [Владимир Егин] 108
«Был в стихах для многих капитаном…»
[Серафим Чекулаев и его стихи о Есенине] 117
Сохранение памяти о Сергее Есенине в Орле 131

Научно-популярное издание

12+

Алексей Иванович Кондратенко

НАШ *Есенин*

СТРАНИЦЫ ОРЛОВСКОЙ ЕСЕНИНИАНЫ

Подписано в печать 12.12.2025 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Объём 9,0 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 193

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru